

32

~~185~~

8-22228

Yuse
K. C.
K. C.
Empire

1916

75 K.C.

222228

B. Lysinski

1932. u 9/81.

14 СЕН. 1933

К 1916 С 176

1916

1880
0891

Бл 22228

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

80000000

ПРОВЕРКА
1950

Классификация
БОНУС ТО...

Бп 22228

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

1938. н. 9181
14 СЕН. 1933

С 76

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1831.

800000

БОРИСЪ ТОЛНОВЪ

УГЛАС

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1881

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1598 года, 20 Февраля.)

КНЯЗЬЯ ШУЙСКІЙ И ВОРОТЫНСКІЙ.

В о р о т ы н с к і й.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдашь,
Но, кажешся, намъ не за кѣмъ смопрѣшь:
Москва пуста; во слѣдъ за Папріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится шревога?

Ш у й с к і й.

Чѣмъ кончится? Узнашь немудрено:

Народъ еще повоешь, да поплачешь,
 Борисъ еще поморщится немного,
 Чшо пьяница предъ чаркою вина,
 И наконецъ по милосши своей
 Приняшь вѣнецъ смиренно согласишь,
 А шамъ — а шамъ онъ будешь нами править
 По прежнему.

В о р о т ы н с к і й.

Но мѣсяць ужъ прошекъ,
 Какъ, зашворясь въ монашырѣ съ сеспрую,
 Онъ, кажешся, покинулъ все мірское.
 Ни Папріархъ, ни Думные Бояре
 Склонишь его доселѣ не могли;
 Не внемлеть онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
 Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
 Ни голосу Великаго Собора.
 Его сеспру напрасно умоляли
 Благословишь Бориса на державу;
 Печальная Монахиня - Царица,
 Какъ онъ шверда, какъ онъ неумолима:

Знашь самъ Борисъ сей духъ въ нее вселиль.
 Чшо ежели Правитель, въ самомъ дѣлѣ,
 Державными заботами наскучиль
 И на пресполь безвласный не взойдешъ?
 Чшо скажешъ пы?

Ш у й с к и й.

Скажу, чшо понапрасну
 Лилася кровь Царевича - младенца;
 Чшо если шакъ, Димитрій могъ бы жить.

В о р о т ы н с к и й.

Ужасное злодѣйство! Полно шочно ль
 Царевича стубиль Борисъ?

Ш у й с к и й.

А кто же?

Кшо подкупаль напрасно Чепчугова?
 Кшо подослаль обоихъ Бишиговскихъ
 Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
 Изслѣдовашь на мѣспѣ эшо дѣло:
 Наѣхаль я на свѣжіе слѣды;
 Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;

Всѣ граждане согласно показали :

И, возвращаясь, я могъ единымъ словомъ

Изобличить сокрытаго злодѣя.

Воротынскій.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

Шуйскій.

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
 Спокойствіемъ, безстыдною неожиданой;
 Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый:
 Разспрашивалъ, въ подробности входилъ —
 И передъ нимъ я повспорилъ нелѣпосью,
 Кошорую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

Воротынскій.

Нечисто, Князь.

Шуйскій.

А что мнѣ было дѣлать?

Все объявишь Феодору? Но Царь
 На все глядѣлъ очами Годунова,
 Всему внималъ ушами Годунова:
 Пускай его бь увѣрилъ я во всемъ;

Борисъ потчасъ его бы разувѣрилъ,
 А памь меня жь сослали бь въ започенье,
 Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
 Въ глухой шюрмѣ пихонько бь задавили.
 Не хваспаюсь, а въ случаѣ конечно
 Никая казнь меня не успрашишь;
 Я самъ не спрусь, но шакже не глупецъ,
 И въ пещлю лѣзть не соглашуся даромъ.

В о р о т ы н с к и й.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
 Губишеля раскаянье превожипь:
 Конечно кровь невиннаго младенца
 Ему спугипь мѣшаетъ на престполь.

Ш у й с к и й.

Перешагнешть; Борисъ не шакъ - шо робокъ!
 Какая чесь для насъ, для всей Руси!
 Вчерашній рабъ, Ташаринь, зяшь Малюпы,
 Зяшь палача и самъ въ душѣ палачъ,
 Возмешъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

Воротынскій.

Такъ, родомъ онь незнашень; мы знатнѣе.

Шуйскій.

Да, кажешся.

Воротынскій.

Вѣдь Шуйскій, Воропынскій...

Легко скажашь, природные Князья.

Шуйскій.

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынскій.

А слушай, Князь, вѣдь мы бь имѣли право

Наслѣдовашь Θεодору.

Шуйскій.

Да, боль,

Чѣмъ Годуновъ.

Воротынскій.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій.

Что жь?

Когда Борисъ хипришь не переспанешь,

Давай народъ искусно волновашь;
 Пускай они оставяпть Годунова,
 Своихъ Князей у нихъ довольно; пустьъ
 Себѣ въ Цари любаго изберуть.

Воротынскій.

Не мало насъ наслѣдниковъ Варяга,
 Да шрудно намъ шягашься съ Годуновымъ:
 Народъ опвыкъ въ насъ видѣшь древню опрасль
 Воиншвенныхъ власшиселей своихъ.
 Уже давно лишились мы удѣловъ,
 Давно Царямъ подручниками служимъ,
 А онъ умѣль и спрахомъ и любовью
 И славою народъ очаровашь.

Шуйскій (глядить въ окно).

Онъ смѣль, вошь все — а мы... Но полно. Видишь,
 Народъ идешь, разсыпавшись, назадъ —
 Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

НАРОДЪ.

Одинъ.

Неумолимь! Онъ опь себя прогнать
 Свяпшелей, Боярь и Папріарха.
 Они предъ нимъ напрасно пами ниць;
 Его спрашишь сіяніе престпола.

Другой.

О Боже мой, кто будешь нами править?
 О горе намъ!

Третій.

Да вошь Верховный Дьякъ
 Выходишь намъ сказашь рѣшене Думы.

Н А Р О Д Ъ.

Молчашь! молчашь! Дьякъ Думной говоришь;

Ш ш — слушайше!

Щелкаловъ (*съ Краснаго Крыльца*).

Соборомъ положили

Въ послѣдній разъ ошвѣдашь силу просьбы

Надъ скорбною Правителя душой.

Заупра вновь Свяшѣйшій Папріархъ,

Въ Кремль опшѣвъ шоржешвенно молебень,

Предшешвуемъ хоругвями свяшыми,

Съ Иконами Владимірской, Донской,

Воздвижешся, а съ нимъ Синклишь, Бояре,

Да сонмъ Дворянь, да Выборные Люди

И весь народъ Московскій православный,

Мы всѣ пойдемъ молишь Царицу вновь,

Да сжалился надъ сирюю Москвой

И на вѣнецъ благословишь Бориса.

Идише же вы съ Богомъ по домамъ,

Молишешся, да възидешъ къ небесамъ

Усердная молишва православныхъ.

(Народъ разходится).

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, ПАТРИАРХЪ, БОЯРЕ.

Борисъ.

Ты, опче Патриархъ, вы все, Бояре,
 Обнажена моя душа предъ вами:
 Вы видѣли, что я приѣмлю власшь
 Великую со страхомъ и смиреньемъ.
 Сколь тяжела обязанность моя!
 Наслѣдую могущимъ Иоаннамъ —
 Наслѣдую и Ангелу - Царю!..
 О праведникъ, о мой опецъ державный!
 Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
 И низпошли тому, кого любилъ ты,
 Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,

Священное на власть благословенье :

Да правлю я во славу свой народъ,

Да буду благъ и праведень, какъ ты.

Опъ васъ я жду содѣйсвія, Бояре.

Служите мнѣ, какъ вы ему служили,

Когда пруды я ваши раздѣлялъ,

Не избранный еще народной волей.

Б о я р е.

Не измѣнимъ присягу, нами данной.

Б о р и с ь.

Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ

Почіющихъ власишелей Россіи,

А шамъ — сзывашъ весь нашъ народъ на пирь,

Всѣхъ, опъ вельможъ до нищаго слѣнца ;

Всѣмъ вольный входъ, всѣ госпи дорогіе.

(Уходитъ, за нимъ и Бояре).

Князь Воротынкій, *останавливая Шуйскаго.*

Ты угадалъ.

Ш у и с к і й.

А что ?

Воротынскій.

Да здѣсь, намедни,

Ты помнишь?

Шуйскій.

Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынскій.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,

Ты говорилъ —

Шуйскій.

Теперь не время помнишь,

Совѣшную порой и забывашь,

А впрочемъ я злословіемъ пришворнымъ

Тогда желалъ себя лишь испышашь,

Вѣрнѣй узнашь твоей пайный образъ мыслей;

Но вошь — народъ привѣшпвуешъ Царя —

Опсушпствіе мое замѣшишь могутъ —

Иду за нимъ.

Воротынскій.

Лукавый царедворецъ!

НОЧЬ. КЕЛЪЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРЬ.

(1603 года.)

ОТЕЦЪ ПИМЕНЬ, ГРИГОРІЙ спящій.

Пимень *(пишетъ передъ лампадой)*.

Еще одно, послѣднее сказанье —

И Лѣпопись окончена моя,

Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога

Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣпъ

Свидѣшелемъ Господь меня поставиль

И книжному искусству вразумиль:

Когда нибудь монахъ прудолюбивый

Найдесть мой прудъ усердный, безымянный;
 Засвѣпишь онъ, какъ я, свою лампаду,
 И, пыль вѣковъ опъ харшій опряхнувъ,
 Правдивыя сказанья перепишешь,
 Да вѣдають пошомки православныхъ
 Земли родной минувшую судьбу,
 Своихъ Царей великихъ поминають
 За ихъ пруды, за славу, за добро —
 А за грѣхи, за темныя дѣянья,
 Спасишеля смиренно умоляють.

На старости я сызнава живу;
 Минувшее проходишь предо мною —
 Давно ль оно неслоь собышій полно,
 Волнуясь, какъ море - окіанъ?
 Теперь оно безмолвно и спокойно:
 Немного лицъ мнѣ памяшь сохранила,
 Немного словъ доходишь до меня,
 А прочее погнбло невозвращно!..
 Но близокъ день, лампада догараешъ —
 Еще одно, послѣднее сказанье (пишетъ).

Григорій пробуждается.

Все шопъ же сонъ! Возможно ль? въ шрепшй разъ!
 Прокляшый сонъ!.. А все передъ лампадой
 Сшарикъ сидипъ, да пишепъ — и дремошой
 Знашь во всю ночь онъ не смыкаль очей.
 Какъ я люблю его спокойный видъ,
 Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
 Онъ Лъшописъ свою ведепъ; и часшо
 Я угадашь хопъль, о чемъ онъ пишепъ:
 О шемномъ ли владычеспъ Тапаръ?
 О казняхъ ли свиръшыхъ Иоанна?
 О бурномъ ли Новгородскомъ Въчъ?
 О славъ ли опечеспва? напрасно:
 Ни на челъ высокомъ, ни во взорахъ
 Нельзя прочеспъ его сокрышыхъ думъ;
 Все шопъ же видъ смиренный, величавый.
 Такъ шочно Дьякъ, въ Приказахъ посъдъмый,
 Спокойно зрипъ на правыхъ и виновныхъ,
 Добру и злу внимаа равнодушно,
 Не вѣдая ни жалосши, ни гнѣва.

П и м е н ь .

Проснулся , братъ .

Г р и г о р и й .

Благослови меня ,

Честный отецъ .

П и м е н ь .

Благослови , Господь ,

Тебя и днесь и присно и вовеки .

Г р и г о р и й .

Ты все писалъ и сномъ не позабылся ,

А мой покой бѣсовское мечпанье

Тревожило , и врагъ меня мушилъ :

Мнѣ снилося , что лѣшница крушая

Меня вела на башню ; съ вышины

Мнѣ видѣлась Москва , что муравейникъ ;

Внизу народъ на площади кипѣлъ

И на меня указывалъ со смѣхомъ ;

И стыдно мнѣ и страшнo спановилось —

И падая спремглавъ , я пробуждался

И при разѣ мнѣ снился пошѣ же сонъ,
 Не чудно ли?

П и м е н ь.

Младая кровь играетъ;
 Смирѣй себя молишвой и поспомъ,
 И сны швои видѣннй легкихъ будущъ
 Исполнены. Донынѣ — если я,
 Невольною дремошой обезсилень,
 Не сошворю молишвы долгой къ ночи —
 Мой спарый сонъ не шихъ и не безгрѣшенъ;
 Мнѣ чюдѣтся по шумные пиры,
 То рашный снаѣ, по схвашки боевыя,
 Безумныя пошѣхи юныхъ лѣшъ!

Г р и г о р и й.

Какъ весело провель свою шы младость!
 Ты воеваль подѣ башнями Казани,
 Ты рашъ Липвы при Шуйскомъ опражалъ,
 Ты видѣль Дворъ и роскошь Иоанна!
 Щаспливь! а я опъ опроческихъ лѣшъ
 По келѣямъ скипаюсь, бѣдннй инокъ!

Зачѣмъ и мнѣ не пѣшишься въ бояхъ,
 Не пируешь за Царскою пранезой?
 Успѣлъ бы я, какъ ты, на спаросъ лѣпъ,
 Опъ суены, опъ міра опложись,
 Произнеси монашескѣ обѣтъ,
 И въ пихую обитель затворишься.

П и м е н ь .

Не съпуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
 Покинулъ ты, что мало искушеній
 Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
 Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
 И женская лукавая любовь.
 Я долго жилъ и многимъ наслаждался;
 Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
 Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
 Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
 Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
 Прошину ихъ? Никто. А что же? Часно
 Злашой вѣнецъ тяжель имъ спановилъся:
 Они его мѣняли на клубукъ.

Царь Іоаннь искаль успокоенья
 Въ подобіи монашескихъ шрудовъ.
 Его дворець , любимцевъ гордыхъ полный ,
 Монашья видь новый принималъ :
 Кромешники въ шафьяхъ и власяницахъ
 Послушными являлись чернецами ,
 А грозный Царь Игумномъ богомольнымъ.
 Я видѣль здѣсь , вопть въ эпой самой кельѣ
 (Въ ней жилъ тогда Кирилль многоспрадальный ,
 Мужъ праведный ; тогда ужь и меня
 Сподобиль Богъ уразумѣшь ничпюжностъ
 Мірскихъ суешъ) , здѣсь видѣль я Царя ,
 Успалаго ошъ гнѣвныхъ думъ и казней :
 Задумчивъ , шихъ сидѣль межъ нами Грозный ;
 Мы передъ нимъ недвижимо спояли ,
 И шихо онъ бесѣду съ нами вель.
 Онъ говорилъ Игумну и всей брашъ :
 « Ошцы мои , желанный день придетъ ,
 « Предшпану здѣсь алкающій спасенья ;
 « Ты , Никодимъ , шы , Сергій , шы , Кирилль ,

« Вы всё — объшь примите мой духовный ,
« Прииду къ вамъ пресупникъ окаанный
« И схиму здѣсь чешную восприму,
« Къ спонамъ швоимъ, свяшый Опець, припадши.»
Такъ говорилъ державный Государь ,
И сладко рѣчь изъ ушъ его лилася ,
И плакаль онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлеть Господь любовь и миръ
Его душъ , спрадающей и бурной.
А сынъ его Феодоръ? На прешолъ
Онъ воздыхаль о мирномъ жишии
Молчальника. Онъ Царскіе чершogi
Преобрашилъ въ молишвенную келью ;
Тамъ шяжкія , державныя печали
Свяшой души его не возмущали.
Богъ возлюбиль смиреніе Царя ,
И Русь при немъ во славъ безмяшежной
Ушѣшилася — а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо :
Къ его одру, Царю едино зримый ,

Явился мужъ необычайно свѣшелъ,
 И началъ съ нимъ бесѣдовашъ Θεодоръ
 И называшъ великимъ Пашріархомъ,
 И всѣ кругомъ объяшы были спрахомъ,
 Уразумѣвъ небесное видѣнне,
 Зане свяшій Владыка предъ Царемъ
 Во храминѣ шогда не находился.
 Когда же онъ пресшавился, палашы
 Исполнились свяшымъ благоуханьемъ
 И ликъ его какъ солнце просіялъ —
 Ужь не видашь шакого намъ Царя.
 О страшное, невиданное горе!
 Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
 Владыкою себѣ цареубійцу
 Мы нарекли.

Г р и г о р і й.

Давно, чеспный опець,
 Хошѣлось мнѣ шебя спросишь о смерши
 Димшпрія Царевича; въ шо время
 Ты, говоряшь, былъ въ Угличѣ.

П и м е н ь,

Охъ, помню!

Привель меня Богъ видѣшь злое дѣло,
 Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
 На нѣкое былъ посланъ послушанье;
 Пришелъ я въ ночь. Наушро въ часъ обѣдни
 Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набашь;
 Крикъ, шумъ. Бѣгушь на дворъ Царицы. Я
 Слѣшу шуда жь — а шамъ уже весь городъ,
 Гляжу: лежишь зарѣзанный Царевичъ;
 Царица машъ въ безпамяшество надъ нимъ,
 Кормилица въ опчаянны рыдаешъ,
 А шупъ народъ оспервенясь волочишь
 Безбожную предашельницу - мамку...
 Вдругъ между нихъ, свирѣль, опъ злоспи блѣдень,
 Является Іуда - Бипяговскій.
 « Вошь, вошь злодѣй! » раздался общій вопль,
 И вмигъ его не спало. Тупъ народъ
 Вслѣдъ бросилъ бѣжавшимъ премъ убійцамъ;
 Укрывшихся злодѣевъ захвашили

И привели предъ шеплый шрупъ младенца,

И чудо — вдругъ мершвецъ запрепешаль.

« Покайшеса! » народъ имъ загремѣль:

И въ ужасъ подь шопоромъ злодѣи

Покаялись — и назвали Бориса.

Г р и г о р и й.

Какихъ былъ лѣшь Царевичъ убіенный?

П и м е н ь.

Да лѣшь семи; ему бы нынѣ было —

(Тому прошло ужъ десяшь лѣшь... нѣшь, больше:

Двѣнадцашъ лѣшь) — онъ былъ бы швой ровесникъ

И царшвоваль; но Богъ судиль иное.

Сей повѣсшью плачевной заключу

Я лѣшопись свою; съ шѣхъ поръ я мало

Вникаль въ дѣла мірскія. Брашъ Григорій,

Ты грамошой свой разумъ просвѣшилъ,

Тебѣ свой шрудъ передаю. Въ часы

Свободные опъ подвиговъ духовныхъ,

Описывай, не мудршвуя лукаво,

Все шо, чему свидѣшмель въ жизни будешъ:

Войну и миръ, управу Государей,
 Угодниковъ свящыхъ чудеса,
 Пророчества и знаменья небесны —
 А мнѣ пора, пора ужь опдохнуть
 И погасишь лампаду... Но звоняшь
 Къ заупреть... благослови, Господь,
 Своихъ рабовъ!... подай косшымъ, Григорій.

(Уходитъ).

Григорій.

Борисъ, Борисъ! все предъ побой препещеть,
 Никшо тебѣ не смѣшь и напомнишь
 О жребіи несчастнаго младенца —
 А между тѣмъ опшельникъ въ шемной кельѣ
 Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишеть:
 И не уйдешь ты ошь суда мірскаго,
 Какъ не уйдешь ошь Божьяго суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА.

ПАТРИАРХЪ, ИГУМЕНЬ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.

ПАТРИАРХЪ.

И онъ убѣжалъ, ошець Игумень?

ИГУМЕНЬ.

Убѣжалъ, свяшый Владыка, вошь ужь шому
шрешій день.

ПАТРИАРХЪ.

Поспрѣль, окаинный! Да какого онъ роду?

ИГУМЕНЬ.

Изъ роду Ошрепьевыхъ, Галицкихъ Боярскихъ
Дѣшей; смолоду поспригся невѣдомо гдѣ, жилъ
въ Суздаль, въ Ефимьевскомъ монастырь, ушелъ
ошшуда, шашался по разнымъ обипелямъ, на-

конецъ пришелъ къ моей Чудовской брашніи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, опдалъ его подъ начальъ опцу Пимену, спарцу крошкому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотень, чиналъ наши лѣшописи, сочинялъ каноны свяшымъ; но знашь грамота далася ему не опъ Господа Бога...

ПАТРИАРХЪ.

Ужь эти миѣ грамотѣи! что еще выдумаль! буду Царемъ на Москвѣ! ахъ, онъ сосудъ дьявольскій! Однако нечего Царю и докладывашь объ эшомъ; что шревожишь Опца-Государя? Довольно будешь объявишь о побѣгѣ Дьяку Смирнову, или Дьяку Ефимьеву. Эшака ересь! буду Царемъ на Москвѣ!.... Поймашь, поймашь врагоугодника, да и сослашь въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь эшо ересь, ошець Игумень?

ИГУМЕНЪ.

Ересь, свяшій Владыка, сущая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ДВА СТОЛЬНИКА.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ Государь?

ВТОРОЙ.

Въ своей опочивальнѣ.

Онъ заперся съ какимъ-шо колдуномъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ, вошь его любимая бесѣда:

Кудесники, гадашели, колдуньи.

Все ворожишь, что красная невѣста.

Желалъ бы знашь, о чемъ гадаешь онъ?

ВТОРОЙ.

Вошь онъ идешь. Угодно ли спросишь?

ПЕРВЫЙ.

Какъ онъ угрюмъ! (*Уходятъ*).

ЦАРЬ, *входитъ*.

Доспигъ я высшей власти;

Шестой ужъ годъ я царспвую спокойно:

Но щасья нѣшь моей душѣ. Не пакъ ли

Мы смолоду влюбляемъ и алчемъ

Ушѣхъ любви, но полько уполимъ

Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,

Ужъ охладѣвъ скучаемъ и помимся?...

Напрасно мнѣ кудесники сулятъ

Дни долгіе, дни власти безмяшежной —

Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;

Предчувствую небесный громъ и горе.

Мнѣ щасья нѣшь. Я думаль свой народъ

Въ довольствіи, во славъ успокоишь,

Щедрошамъ любовь его снискашь —

Но опложилъ пустое попеченье:

Живая власть для черни ненавистна.

Они любить умѣютъ полько мершвыхъ.

Безумны мы, когда народный плескъ,
 Иль ярый вопль превожитъ сердце наше.
 Богъ насылалъ на землю нашу гладь;
 Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
 Я ошворилъ имъ жишницы; я злопо
 Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
 Они жъ меня, бѣснудясь, проклинали!
 Пожарный огонь ихъ дома испребилъ;
 Я выстроилъ имъ новыя жилища:
 Они жъ меня пожаромъ упрекали!
 Вошь черни судъ: ищи жъ ея любви!
 Въ семьѣ моей я мнилъ найщи ошраду,
 Я дочь мою мнилъ ошаспливить бракомъ;
 Какъ буря, смерть уносишь жениха....
 И шушь молва лукаво нарекаешь
 Виновникомъ дочерняго вдовства
 Меня, меня несчастнаго опца!...
 Кпо ни умрешь, я всѣхъ убійца тайный:
 Я ускорилъ Феодора кончину,
 Я ошравилъ свою сестру Царицу,

Монахиню смиренную.... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можешь насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть —
Такъ, здравая, она воспоржествуетъ
Надъ злобою, надъ шемной клеветою.
Но если въ ней единое пяшно,
Единое случайно завелось;
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сторишь, нальется сердце ядомъ,
Какъ молошкомъ спучишь въ ушахъ упрекомъ,
И все пошнись, и голова кружишь,
И мальчики кровавые въ глазахъ....
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ пошь, въ комъ совѣсть нечиста.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

МИСАИЛЬ и ВАРЛААМЪ, бродяги въ видѣ чер-
нецѣвъ; ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ міряниномъ ;
ХОЗЯЙКА.

Х о з я й к а .

Чѣмъ-шо мнѣ васъ подчиваешь, старцы чеспные?

В а р л а а м ъ .

Чѣмъ Богъ пошлешь, хозяйюшка. Нѣтъ ли вина?

Х о з я й к а .

Какъ не бышь, опцы мои! сей часъ вынесу.

(Уходитъ.)

М и с а и л ь .

Чшо жь ты закручинился, поварищъ? Вопшь и
граница Липовская, до кошорой шакъ хошѣлось
шебѣ добраться.

Григорій.

Пока не буду въ Лишвѣ, до шѣхъ поръ не буду спокоенъ.

Барлаамъ.

Чшо шебѣ Лишва шакъ слюбилась? Вошь мы, ошець Мисаиль, да я грѣшнѣй, какъ ушекли изъ монастыря, шакъ ни о чемъ ужъ и не думаемъ: Лишва ли, Русь ли, чшо гудокъ, чшо гусли, все намъ равно, было бы вино.... да вошь и оно!...

Мисаиль.

Складно сказано, ошець Варлаам

Хозяйка, *вхо.*

Вошь вамъ, ошцы мои. Пейше га здоровье.

Мисаиль.

Спасибо, родная, Богъ шебя благослови. (*Поеть.*)

Какъ во городѣ было во Казани...

Чшо же ты не подшягиваешь, да и не пошягиваешь?

Григорій.

Не хочу.

Мисаиль.

Вольному воля....

Варлаамъ.

А пьяному рай, отецъ Мисаиль! Выпьемъ же чарочку за шинкарочку....

Однако, отецъ Мисаиль, когда я пью, шакъ презвухъ не люблю: ино дѣло пьяншво, а иное чваншво; хочешь жишь какъ мы, милоспи просимъ — нѣшъ, шакъ убирайся, проваливай: скорохъ попу не поварищъ.

Григорій.

Пей, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!... Видишь и я порой складно говорись умѣю.

Варлаамъ.

А что мнѣ про себя разумѣшь?

Мисаиль.

Оставь его, отецъ Варлаамъ.

ВАРЛААМЪ.

Да что онъ за поспникъ? Самъ же къ намъ назвался въ шоварищи, невѣдомо кпо, невѣдомо откуда — да еще и спѣсивишся. (*Пьетъ и поетъ.*)

Молодой Чернецъ постригся.

Григорій, *хозяйка.*

Куда ведешь эша дорога?

Хозяйка.

Въ Липву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

Григорій.

А далече ли до Луёвыхъ горъ?

Хозяйка.

Недалече, къ вечеру можно бы шуда поспѣшь, кабы не засшавы Царскія, да спорожевые при-
сшавы.

Григорій.

Какъ, засшавы! что эшо значить?

Хозяйка.

Кпо-шо бѣжалъ изъ Москвы, а вельно всѣхъ задерживашь, да осмашривашь.

Григорій, про себя.

Вошь тебѣ, бабушка, Юрьевъ день. (*Вслухъ.*)
Да кого жь имъ надобно? Кшо бѣжалъ изъ Мос-
квы?

Хозяйка.

А Господь его вѣдаешъ, воръ ли, разбойникъ,
полько здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода
нѣшъ. А чшо изъ шого будешъ? ничего, ни
лысаго бѣса не поймаюшъ: будшо въ Липву нѣшъ
и другаго пуши, какъ сполбовая дорога! Вошь
хошь ошсюда свороши вѣво, да боромъ иди по
пропинкѣ до часовни, чшо на Чеканскомъ ручью,
а шамъ прямо черезъ болошо на Хлопино, а ош-
шуда на Захарьево, а шупъ ужъ всякой маль-
чишка доведешъ до Луёвыхъ горъ. Опъ эшихъ
присшавовъ полько и шолку, чшо пришѣсняюшъ
прохожихъ, да обираюшъ насъ бѣдныхъ. (*Слы-
шень шумъ*). Чшо шамъ еще? Ахъ, вошь они
прокляшые! дозоромъ идушъ.

Григорій.

Хозяйка! нѣшь ли въ избѣ другаго угла?

Хозяйка.

Нѣшу, родимый, рада бы сама спряташья. Только слава, что дозоромъ ходяшь, а подавай имъ и вина и хлѣба, и невѣдомо чего — чшобъ имъ издохнушь окаяннымъ! чшобъ имъ... (*Входятъ Приставы.*)

Приставъ.

Здорово, хозяйка!

Хозяйка.

Добро пожаловашь, госпи дорогіе, милоспи просимъ.

Одинъ Приставъ другому.

Ба! да здѣсь попойка идешь; будешь чѣмъ поживишья. (*Монахамъ.*) Вы чшо за люди?

Варлаамъ.

Мы Божіи шарцы, иноки смиренные, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милоспыню Христіанскую на монашпырь.

Приставъ, Григорью.

А ты?

Мисаиль.

Нашъ поварищъ....

Григорій.

Мірянинъ изъ пригорода; проводиль спарцевъ до рубежа; ошсель иду восвояси.

Мисаиль.

Такъ ты раздумалъ....

Григорій, *тихо*.

Молчи.

Приставъ.

Хозяйка, выспавъ-ко еще вина—а мы здѣсь со спарцами пошьемъ, да побесѣдуемъ.

Другой Приставъ, *тихо*.

Парень-шо, кажешся, голь; съ него вьзяшь нечего; за шо спарцы....

Первый.

Молчи, сей часъ до нихъ доберемся.—Что, ошцы мои, каково промышляеше?

ВАРЛААМЪ. II

Плохо, сыне, плохо! нынѣ Хрисціане спали скушы; деньгу любящъ, деньгу прячущъ. Мало Богу дающъ. Прииде грѣхъ велій на языцы земни. Всѣ пустилися въ шорги, въ мышарешва; думаютъ о мірскомъ богашествѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ при дни прехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдешъ недѣля, другая, заглянешъ въ мошѣнку, анъ въ ней пакъ мало, чпо совѣсно въ монашырѣ показашся; чпо дѣлашь? съ горя и оспальное пропешъ; бѣда да и полько. — Охъ, плохо, знашь пришли наши послѣднія времена.....

Хозяйка, плазеть.

Господь помилуй и спаси!

(Въ продолженіе Варлаамовой рѣчи, первый

Приставъ значительно всматривается въ

Мисаила.)

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Алёха! при шебъ ли Царскій Указъ?

Второй.

При мнѣ.

ПЕРВЫЙ.

Подай-ко сюда.

Мисаиль.

Чшо ты на меня такъ пристально смотришь?

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

А вошь чшо: изъ Москвы бѣжалъ нѣкопорый злой ерешикъ, Гришка Ошрепьевъ, слыхаль ли ты эшо?

Мисаиль.

Не слыхаль.

ПРИСТАВЪ.

Не слыхаль? ладно. А шого бѣлаго ерешика Царь приказаль изловишь и повѣсишь. Знаешь ли ты эшо?

Мисаиль.

Не знаю.

Приставъ, *Варлааму.*

Умѣешь ли ты чинать?

Варлаамъ.

Смолоду зналъ, да разучился.

Приставъ, *Мисаилу.*

А ты?

Мисаиль.

Не умудрилъ Господь.

Приставъ.

Такъ вошь шебѣ Царскій Указъ.

Мисаиль.

На что мнѣ его?

Приставъ.

Мнѣ сдается, что эшошь бѣглый ерешикъ,
воръ, мошенникъ — ты.

Мисаиль.

Я? помилуй! что ты!

Приставъ.

Поспой! держи двери. Вошь мы сей часъ и
справимся.

Хозяйка.

Ахъ они окаянные мучители! и шарца-то въ покоѣ не оставяшь!

Приставъ.

Кшо здѣсь грамошный?

Григорій, *выступаетъ впередъ.*

Я грамошный.

Приставъ.

Вошь на... А у кого же ши научился?

Григорій.

У нашего пономаря.

Приставъ, *даетъ ему Указъ.*

Чишай же вслухъ.

Григорій, *читаетъ.*

« Чудова монашыря недоспойный чернецъ Гри-
 « горій, изъ роду Опрещевыхъ, впаль въ ересь
 « и дерзнулъ, наученный діаволомъ, возмущашъ
 « свяшую брашю всякими соблазнами и безза-
 « коніями. А по справкамъ оказалось, опбѣжалъ

« онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Липов-
« ской . . . »

Приставъ, Мисаилу.

Какъ же не шы?

Григорій.

« И Царь повелѣлъ изловить его . . . »

Приставъ.

И повѣсишь!

Григорій.

Тушь не сказано повѣсишь.

Приставъ.

Врешь! не всяко слово въ спроку пишется.
Чишай: изловишь и повѣсишь.

Григорій.

« И повѣсишь. А лѣшь ему вору Гришкѣ ошь ро-
« ду . . . (смотря на Варлаама) за 50, а роспу
« онъ средняго, лобъ имѣешь плѣшивый, бороду
« сѣдую, брюхо полстное.

(Всѣ глядятъ на Варлаама.)

Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его!
 Вошь ужь не думаль, не гадаль!

Варлаамъ, вырывает бумагу.

Опсшаньше, посшрѣлы! чшо я за Гришка?
 какъ! 5о лѣшь, борода сѣдая, брюхо полешное!
 нѣшь, брашь! молодь еще надо мною шупки
 шупишь. Я давно не чишываль и худо разбираю,
 а шупь ужь разберу, какъ дѣло до пешли дохо-
 дишь. (*Читаетъ по складамъ.*) «А лѣшь е-му
 «ошь ро-ду... 20.»—Чшо брашь, гдѣ шупь 5о?
 видишь 20?

Второй Приставъ.

Да, помнишься, 20; шакъ и намъ было сказано.

Первый Приставъ, Григорію.

Да шы, брашь, видно забавникъ.

(*Во время чтенія, Григорій стоитъ потупя
 голову, съ рукою за пазухой.*)

Варлаамъ, продолжаетъ.

«А росшомъ онъ малъ, грудь широкая, одна
 «рука короче другой, глаза голубые, волосы ры-

• жие, на щекъ бородавка, на лбу другая. • Да
эшо другъ ужъ не шы ли?

(Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ
передъ нимъ разступаются, онъ бросается
въ окно.)

П р и с т а в ы.

Держи! держи!

(Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ.)

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

ШУЙСКІЙ, множество гостей. Ужинь.

Шуи с к і й.

Вина еще. (*Встаетъ, за нимъ и всѣ.*)

Ну, госпи дорогіе,
Послѣдній ковшъ! Чишай молишву, мальчикъ.

М а л ь ч и к ъ.

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,

Своихъ рабовъ моленію внимли:

Помолимся о нашемъ Государѣ,

Объ избранномъ Тобой благочесливомъ,

Всѣхъ Хрисіанъ Царѣ самодержавномъ.

Храни его въ палашахъ, въ полѣ рашномъ,

И на пусяхъ, и на одрѣ ночлега.

Подай ему побѣду на враги,
 Да славишься онъ ошь моря до моря.
 Да здравіемъ цвѣшеть его семья,
 Да осѣняшь ея драгія вѣшви
 Весь міръ земной — а къ намъ, своимъ рабамъ,
 Да будешь онъ, какъ прежде благодашень,
 И милосшивъ и долгошерпѣливъ,
 Да мудросши его неиспощимой
 Произпекушь испочники на насъ;
 И, Царскую на шо воздвигнувь чашу,
 Мы молимся Тебъ, Царю небесь.

Шуйскій, *пѣть.*

Да здравствуетъ Великій Государь!
 Просшите же вы, госши дорогіе;
 Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
 Не презрѣли. Просшите, добрый сонъ.
 (*Гости уходятъ; онъ провожаетъ ихъ до дверей.*)

Пушкинъ.

Насилу убрались; ну, Князь Василій Ивановичъ, я
 ужь думаль, что намъ не удастся и переговорить.

Шуйскій, слугамъ.

Вы, что рошъ разинули? Все бы вамъ господь подслушивашь. Сбирайте со стола, да спускайте вонь. — Что такое, Аванасій Михайловичъ?

Пушкинъ.

Чудеса да и только.

Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

Шуйскій.

Ну.

Пушкинъ.

Спранную племянникъ пишешъ новость. Сынъ Грознаго.... пошлой. (*Идетъ къ дверямъ и осматриваетъ.*) Державный опрокъ, По манію Бориса убіенный....

Шуйскій.

Да эшо ужъ не ново.

Пушкинъ.

Погоди:

Димитрій живъ.

Шуйскій.

Вошь на! какая вѣсть!

Царевичъ живъ! ну подлинно чудесно.

И шолько-шо.

Пушкинъ.

Послушай до конца:

Кто бь ни былъ онь, спасенный ли Царевичъ,

Иль нѣкій духъ во образъ его,

Иль смѣлый плушь, безсмыднй самозванецъ,

Но шолько шамъ Димитрій появился.

Шуйскій.

Не можешь бышь.

Пушкинъ.

Его самъ Пушкинъ видѣль,

Какъ пріѣзжалъ впервой онь во дворець

И сквозь ряды Липовскихъ Пановъ прямо

Шель въ шайную палашу Короля.

Шуйскій.

Кто жь онь шакой? ошкуда онь?

Пушкинъ.

Не знаюшь,

Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго, что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному опцу,
Что гордый Панъ, сію провѣдавъ шайну,
Ходилъ за нимъ, поднималъ его съ одра
И съ нимъ попомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій.

Что жъ говоряшь объ эпомъ удалецъ?

Пушкинъ.

Да слышно, онъ уменъ, привѣпливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Лашинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ —
И говоряшь, помогу общалъ.

Шуйскій.

Все это, брашъ, такая кутерма,
Что голова кругомъ пойдешь невольню.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,

Но признаюсь, опасность не мала.
 Въсшь важная! и если до народа
 Она дойдетъ, шо бышь грозъ великой!

Пушкинъ.

Такой грозъ, что врядъ Царю Борису
 Сдержашь вѣнецъ на умной головѣ.
 И подѣломъ ему: онъ править нами,
 Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянуть).
 Чшо пользы въ шомъ, чшо явныхъ казней нѣшь,
 Чшо на полу кровавомъ всенародно
 Мы не поемъ каноновъ Иисусу,
 Чшо насъ не жгуть на площади, а Царь
 Своимъ жезломъ не подгребаешъ углей?
 Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
 Насъ каждый день опала ожидаешъ,
 Тюрма, Сибирь, клобукъ, иль кандалы,
 А шамъ въ глуши голодна смершь, иль пешля.
 Знашнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
 Гдѣ Сицкіе Князья, гдѣ Шеспуновы,
 Романовы, опечесшва надежда?

Запochены, замучены въ изгнанъ.
 Дай срокъ: тебѣ шакая жь будешь участь.
 Легко ль, скажи: мы дома, какъ Липвой,
 Осаждены невѣрными рабами:
 Все языки, гошовой продашь,
 Правительствомъ подкупленные воры.
 Зависимъ мы отъ перваго холопа,
 Кошораго захочемъ наказашь.
 Вошь — Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
 Не власны мы въ помѣстїяхъ своихъ.
 Не смѣй согнашь лѣнивца! Радъ не радъ,
 Корми его. Не смѣй переманишь
 Рабошника! Не то, въ Приказъ Холопей.
 Ну, слыхано ль хошь при Царѣ Иванѣ
 Такое зло? А легче ли народу?
 Спроси его. Попробуй самозванецъ
 Имъ посулишь старинный Юрьевъ день,
 Такъ и пойдешь пошѣха.

Шуйскій.

Правъ ты, Пушкинъ.

Но знаешь ли? Обь япомь обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ.

Вѣспимо,
Знай про себя. Ты человекъ разумный;
Всегда съ тобой бесѣдовашь я радъ,
И если что меня подчасъ тревожишь,
Не вышерплю, чшобъ не сказать тебѣ;
Къ тому жь швой медъ, да бархашное пиво
Сегодня пакъ языкъ мнѣ развязали....
Прощай же, Князь.

Шуйскій.

Прощай, братъ, до свиданья.

(Провожаетъ Пушкина.)

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ЦАРЕВИЧЪ, *гертитъ Географическую карту.*
ЦАРЕВНА, МАМКА ЦАРЕВНЫ.

К с е н і я, *цалуеть портретъ.*

Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невестѣ, а шемной мсгилкѣ, на чужой споронкѣ: никогда не ушѣшусь, вѣчно по шебѣ буду плакать.

М а м к а.

И, Царевна! дѣвица плачешь, что роса падеть: взойдешь солнце, росу высушишь. Будешь у шебя другой женихъ и прекрасный и привѣшливый.

Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана Королевича.

К С Е Н И Я .

Нѣшь, мамушка, я и мершвому буду ему
вѣрна.

(Входитъ Борисъ.)

Ц А Р Ъ .

Что, Ксенія? что, милая моя?
Въ невѣспахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мершвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Виновникомъ бышь вашего блаженства.
Я, можешь бышь, прогнѣвалъ небеса,
Я счастье швое не могъ успроить;
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ заняшь? Эшо что?

Т е о д о р њ .

Чершежь земли Московской; наше царство
Изъ края въ край. Вошь видишь: шуть Москва,
Туть Новгородъ, шуть Аспрахань. Вошь море,

Вошь Пермскіе дремучіе лѣса,
А вошь Сибирь.

Ц А Р Ъ.

А эшо что такое
Узоромъ здѣсь вѣется?

ФЕОДОРЪ.

Эшо Волга.

Ц А Р Ъ.

Какъ хорошо! вошь сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣшь
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быспропекущей жизни —
Когда нибудь, и скоро, можешь быть,
Всѣ обласи, кошорья ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подь руку доспанушея швою —
Учись, мой сынъ, и легче и яснѣ
Державный шрудъ ты будешь посшигашь.

(Входитъ Семень Годуновъ.)

Вопль Годуновъ идешь ко мнѣ съ докладомъ.

(Ксенія) Душа моя, поди въ свою свѣшлицу;

Просши, мой другъ; ушѣшь тебя Господь.

(Ксенія съ мамкою уходитъ.)

Что скажешь мнѣ, Семень Никишичъ?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Нынче

Ко мнѣ, чѣмъ свѣшь, дворецкій Князь-Василья

И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

Ц А Р Ъ.

Ну.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Пушкина слуга донесъ сперва,

Что поуспру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхаль

Изъ Кракова гонецъ — и черезъ часъ

Безъ грамошы опосланъ былъ обратно.

Ц А Р Ъ.

Гонца схвашишь.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Ужъ послано въ догоню.

Ц А Р Ь.

О Шуйскомъ что?

С Е М Е Н Ь Г О Д У Н О В Ъ.

Вечёръ онъ угощаль

Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,

Бушуриныхъ, Михайла Салпыкова,

Да Пушкина — да нѣсколько другихъ;

А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ

Наединѣ съ хозяиномъ оспался

И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

Ц А Р Ь.

Сей часъ послашь за Шуйскимъ.

С Е М Е Н Ь Г О Д У Н О В Ъ.

Государь!

Онъ здѣсь уже.

Ц А Р Ь.

Позвашь его сюда.

(Годуновъ уходитъ.)

Ц А Р Ь.

Сношенія съ Литвою! это что?...

Прошивень мнѣ родъ Пушкиныхъ мяшежный,
 А Шуйскому не должно довѣряшь.
 Уклончивый, но смѣлый и лукавый....

(Входитъ Шуйскій.)

Мнѣ нужно, Князь, съ тобою говоришь.
 Но, кажешся, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
 И выслушать хочу себя сперва.

Ш у и с к і й.

Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
 Всѣхъ важную.

Ц а р ь.

Я слушаю тебя.

Шуйскій, тихо указывал на Теодора.

Но, Государь....

Ц а р ь.

Царевичъ можешь знать,
 Что вѣдаетъ Князь Шуйскій. Говори.

Ш у и с к і й.

Царь, изъ Липвы пришла намъ вѣснь....

Ц А Р Ъ.

Не ша ли,
Чшо Пушкину привезъ вечеръ гонецъ.

Ш у й с к і й.

Все знаешь онь!... Я думаль, Государь,
Чшо шы еще не вѣдаешь сей шайны.

Ц А Р Ъ.

Нѣшь нужды, Князь: хочу сообразишь
Извѣсшя; иначе не узнаемъ
Мы истины.

Ш у й с к і й.

Я знаю шолько шо,
Чшо въ Краковѣ явился самозванецъ,
И чшо Король и Паны за него.

Ц А Р Ъ.

Чшо жь говоряшь? Кшо эшошь самозванецъ?

Ш у й с к і й.

Не вѣдаю.

Ц А Р Ъ.

Но... чѣмъ опасень онь.

Ш у й с к і й.

Конечно, Царь: сильна швоя держава,
 Ты милоспью, радѣньемъ и щедрошой
 Усыновиль сердца своихъ рабовъ.
 Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
 Измѣнчива, мяшежна, суевѣрна,
 Легко пустой надеждѣ предана,
 Мгновенному внушенію послушна,
 Для истины глуха и равнодушна,
 А баснями пишаеца она.
 Ей нравица безспыдная опвага;
 Такъ если сей невѣдомый бродяга
 Липовскую границу перейдешъ,
 Къ нему шолпу безумцевъ привлечешъ
 Димитрія воскреснувшее имя.

Ц а р ь.

Димитрія!... какъ? эшого младенца?
 Димитрія!... Царевичъ, удались.

Ш у й с к і й.

Онъ покраснѣлъ: бышь буръ!...

ФЕОДОРЪ.

Государь,

Дозволишь ли.....

ЦАРЬ.

Нельзя, мой сынъ, поди.

(Феодоръ уходитъ.)

Димитрія!.....

ШУЙСКІЙ.

Онъ ничего не зналъ.

ЦАРЬ.

Послушай, Князь: взяшь мѣры сей же часъ;
 Чпобъ ошь Липвы Россія оградилась
 Заспавами; чпобъ ни одна душа
 Не перешла за эту грань; чпобъ заяць
 Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чпобъ воронъ
 Не прилешель изъ Кракова. Спупай.

ШУЙСКІЙ.

Иду.

ЦАРЬ.

Постой. Не правда ль, эша вѣсть

Запѣйлива? Слыхаль ли ты когда,
 Чшобъ мершвые изъ гроба выходили
 Допрашивашь Царей, Царей законныхъ,
 Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
 Увѣнчанныхъ великимъ Паптріархомъ?
 Смѣшно? а? чшо? чшо жъ не смѣешься ты?

Ш у й с к и й.

Я, Государь?...

Ц а р ь.

Послушай, Князь Василій:

Какъ я узналъ, чшо ошрока сего....
 Чшо ошрокъ сей лишился какъ-шо жизни,
 Ты посланъ былъ на слѣдствіе: шеперь
 Тебя Крешомъ и Богомъ заклинаю,
 По совѣспи мнѣ правду объяви:
 Узналъ ли ты убишаго младенца
 И не было ль подмѣна? Ошвѣчай.

Ш у й с к и й.

Клянусь тебѣ....

Ц А Р Ъ.

Нѣшь, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: шо былъ Царевичь!

Ш у и с к і й.

Онъ.

Ц А Р Ъ.

Подумай, Князь. Я милость обещаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты шеперь
Со мной хитришь, шо головою сына
Клянусь — шебя посшигнешь злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ
Ошь ужаса во гробъ содрогнешся.

Ш у и с к і й.

Не казнь страшна; страшна швоя немилость;
Передъ шобой дерзну ли я лукавишь?
И могъ ли я шакъ слѣпо обманушься,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я шрупъ его въ Соборъ посѣщаль,
Всѣмъ Угличемъ шуда сопровождаемый.

Вокругъ него принадлецать шѣль лежало,
 Расперзанныхъ народомъ, и по нимъ
 Ужъ шлѣніе примѣшно проступало,
 Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ
 И свѣжъ и шихъ, какъ будто усыпленный;
 Глубокая не запекалась язва,
 Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
 Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
 Во гробъ спитъ.

Ц а р ѣ.

Довольно, удались. (*Шуйскій уходитъ.*)

Ухъ, тяжело!... дай духъ переведу —
 Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицѣ
 Мнѣ кинулась и шаяко опускалась....
 Такъ вотъ зачѣмъ принадлецать лѣшь мнѣ сряду
 Все силоса убитое дитя!
 Да, да — вотъ что! шеперь я понимаю.
 Но кто же онъ, мой грозный супоспашъ?
 Кто на меня? Пустое имя, шѣнь —
 Уже ли шѣнь сорвешъ съ меня порфиру,

Иль звукъ лишишь дѣшей моихъ наслѣдства?

Безумецъ я! чего жь я испугался?

На призракъ сей подуй — и нѣшь его.

Такъ рѣшено: не окажу я спреха —

Но презирашь не должно ничего....

Охъ, шажела пы, шапка Мономаха!

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

САМОЗВАНЕЦЪ и РАТЕР ЧЕРНИКОВСКІЙ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣшь, мой ошець, не будешь запрудненій;
 Я знаю духъ народа моего;
 Въ немъ набожность не знаешь изспупленья:
 Ему священъ примѣръ Царя его.
 Всегда, къ тому жь, терпимость равнодушна.
 Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
 Весь мой народъ и вся Воспочна Церковь
 Признаюшь власъ Намѣспника Пешра.

РАТЕР.

Вспомоществуй тебѣ свяшый Игнашій,
 Когда придуть иныя времена.

А между пѣмъ небесной благодати
 Таи въ душѣ, Царевичъ, сѣмена;
 Пришворспвовашь предъ оглашеннымъ свѣпомъ
 Намъ иногда духовный долгъ велишь;
 Твои слова, дѣянья судяшь люди,
 Намъ ренья единый видишь Богъ.

Самозванецъ.

Атеп. Кшо шамъ! (*Входитъ слуга.*) Сказашь:

Мы принимаемъ.

(*Отворяются двери, входитъ толпа Рускихъ и
 Поляковъ*).

Товарищи! мы выспунаемъ завпра
 Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у себя
 Оспановлюсь въ Самборъ на три дня.
 Я знаю: швой госпепримный замокъ
 И нышношью блиспаешъ благородной
 И славишя хозяйкой молодой.
 Прелесшную Марину я надбюсь
 Увидѣшь шамъ. А вы, мои друзья,
 Липва и Русь, вы, брашскія знамена

Поднявшіе на общаго врага,
 На моего коварнаго злодѣя,
 Сыны Славянъ, я скоро поведу
 Въ желанный бой дружины ваши грозны,
 Но между васъ я вижу новы лица.

Гаврила Пушкинъ.

Они пришли у милоспи швоей
 Просишь меча и службы.

Самозванецъ.

Радъ вамъ, дѣти.

Ко мнѣ друзья. Но кто скажи мнѣ, Пушкинъ,
 Красавецъ сей?

Пушкинъ.

Князь Курбскій.

Самозванецъ, Курбскому.

Имя громко!

Ты родшвенникъ Казанскому Герою?

Курбскій.

Я сынъ его.

САМОЗВАНЕЦЬ.

Онъ живъ еще?

КУРЬСКІЙ.

Нѣшь, умерь.

САМОЗВАНЕЦЬ.

Великій умъ! мужъ бисшвы и совѣша!
 Но съ шой поры, когда являлся онъ,
 Своихъ обидь ожеспоченный мспишель,
 Съ Липовцами подь вешхій городъ Ольгинь,
 Молва объ немъ умолкла.

КУРЬСКІЙ.

Мой ошець

Въ Волянїи провель оспашокъ жизни,
 Въ помѣспяхъ, дарованныхъ ему
 Башоріемъ. Уединень и шихъ,
 Въ наукахъ онъ искаль себѣ опрады;
 Но мирный шрудъ его не ушѣшалъ:
 Онъ юношпи своей опшчизну помнилъ
 И до конца по ней онъ шосковаль.

Самозванецъ.

Несчастный вождь! какъ ярко просіялъ
 Восходь его шумящей, бурной жизни.
 Я радуюсь, великородный випязь,
 Чшо кровь его съ опечесшвомъ мирится;
 Вины опщевъ не должно воспоминашь;
 Мирь гробу ихъ! Приблизься, Курбскій... Руку!
 Не спранно ли? сынъ Курбскаго ведешъ
 На шронь, кого? да — сына Юанна!...
 Все за меня: и люди и судьба.
 Ты кшо такой?

Полякъ.

Собаньскій, шляхшичь вольный.

Самозванецъ.

Хвала и честь шебъ, свободы чадо!
 Впередь ему прешь жалованья выдашь,
 Но эти кшо? я узнаю на нихъ
 Земли родной одежду. Это наши.

Хрущовъ бьетъ теломъ.

Такъ, Государь, опецъ нашъ. Мы швои

Усердные, гонимые холопья.
 Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
 Къ тебѣ, нашъ Царь — и за тебѣя гошовы
 Главами лечь, да будущъ наши шрупы
 На Царской шронъ спупенями тебѣ.

С а м о з в а н е ц ь .

Мужайшеса, безвинные спрадальцы —
 Лишь дайше мнѣ добрашся до Москвы,
 А шамъ Борисъ разилашишся во всешь,
 Ты кшо?

К а р е л а .

Козакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
 Опъ вольныхъ войскъ, опъ храбрыхъ Апшамановъ,
 Опъ Козаковъ верховыхъ и низовыхъ
 Узрѣшь швои Царевы ясны очи
 И кланяшся тебѣ ихъ головами.

С а м о з в а н е ц ь .

Я зналъ Донцевъ: не сомнѣвался видѣшь
 Въ своихъ рядахъ Козачьи бунчуки.
 Благодаримъ Донское наше войско.

Мы вѣдаемъ, что нынѣ Козаки
 Неправедно пришиблены, гонимы;
 Но если Богъ поможетъ намъ вступишь
 На шронъ ошцѣвъ, то мы по спаринѣ
 Пожалуемъ нашъ вѣрный вольный Донъ.

Поэтъ (*приближается, кланяясь низко
 и хватая Гришку за полу*).

Беликій Принць, Свѣшлѣйшій Королевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что хочешь ты?

Поэтъ *подаетъ ему бумагу*.

Примише благосклонно

Сей бѣдный плодъ усерднаго шруда.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что вижу я? Лапинскіе стихи!

Спокращь священъ союзъ меча и лиры;

Единый лавръ ихъ дружно обвиваешь.

Родился я подь небомъ полунощнымъ,

Но мнѣ знакомъ Лапинской Музы голосъ,

И я люблю Парнасскіе цвѣшпы.

Я вѣрую въ пророчества Писовъ.

Нѣшь, не вошце въ ихъ пламенной груди
Кипишь воспоргъ : благословишь подвигъ,
Его жь они прославили заранѣ!

Приблѣжся, другъ. Въ мое воспоминаше
Прими сей даръ. (*Даетъ ему перстень*).

Когда со мной свершится
Судьбы завѣшь, когда корону предковъ
Надѣну я; надѣюсь вновь услышашь
Твой сладкій гласъ, швой вдохновенный гимнь.

Musa gloriam coronat, gloriaque musam.

И шакъ, друзья, до завшра, до свиданья.

В с ѣ.

Въ походъ, въ походъ! Да здравшвуешь Димитрій,
Да здравшвуешь Великій Князь Московскій!

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРЬ.

(Рядъ освѣщенныхъ комнатъ. Музыка).

ВИШНЕВЕЦКІЙ, МНИШЕКЪ.

Мнишекъ.

Онъ говоришь съ одной моею Мариной,
Мариною одною заняшь онъ...

А дѣло-то на свадьбу спрахъ похоже.

Ну — думаль ты, признайся, Вишневецкій,
Что дочь моя Царицей будешь? а?

Вишневецкій.

Да, чудеса... и думаль ли ты, Мнишекъ,

Что мой слуга взойдетъ на тронъ Московской?

Мнишекъ.

А какова, скажи, моя Марина?

Я шолько ей промолвилъ: ну, смопри!

Не упускай Димитрія!... и вошь

Все кончено, ужь онъ въ ея сѣпяхъ.

*(Музыка играетъ Польской. Самозванецъ
идеть съ Мариною въ первой парѣ).*

МАРИНА тихо Димитрію.

Да, ввечеру, въ одиннадцашь часовъ,

Въ аллеѣ лишь, я завпра у фоншана.

(Расходятся. Другая пара).

КАВАЛЕРЬ.

Что въ ней нашель Димитрій?

ДАМА.

Какъ! она

Красавица.

КАВАЛЕРЬ.

Да, мраморная Нимфа:

Глаза, уша безъ жизни, безъ улыбки...

(Новая пара).

ДАМА.

Онъ не красивъ, но видъ его пріятень,
И Царская порода въ немъ видна.

(Новая пара).

ДАМА.

Когда жъ похоть?

КАВАЛЕРЬ.

Когда велишь Царевичъ,
Гоповы мы; но видно, Панна Мнишекъ
Съ Димитріемъ задержитъ насъ въ плъну.

ДАМА.

Пріятный плънь.

КАВАЛЕРЬ.

Конечно, если вы...

(Расходятся; комнаты пустѣютъ).

МНИШЕКЪ.

Мы шарикъ ужъ нынче не шанцуемъ,
Музыки громъ не призываетъ насъ,
Прелесныхъ рукъ не жмемъ и не цалуемъ,

Охъ, не забыль спаринныхъ я проказъ!
Теперь не шо, не шо, чшо прежде было!
И молодежь ей ей не шакъ смѣла
И красоша не шакъ ужъ весела,
Признайся, другъ: все какъ-шо приуныло.
Осшавимъ ихъ; поидемъ, шоварищъ мой,
Венгерскаго, обросшую правой,
Велимъ опрышь бушылку въковую,
Да въ уголку пошянемъ - ко вдвоемъ
Душиспый шокъ, спшрую, какъ жиръ, густую,
А между шѣмъ посудимъ кой о чемъ.
Поидемъ же, брашъ.

Вишневецкій.

И дѣло, другъ, поидемъ.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЬ.

САМОЗВАНЕЦЪ *входитъ.*

Вотъ и фоншань; она сюда придетъ.
 Я, кажешя, рождень не боязливымъ;
 Передъ собой вблизи видалъ я смерть;
 Предъ смертію душа не содрагалась.
 Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
 За мной гнались — я духомъ не смутился
 И дерзостью неволи избѣжалъ.
 Но что жъ шеперь шѣснишь мое дыханье?
 Что значишь сей неодолимый препешь?
 Иль эшо дрожъ желаній напряженныхъ?
 Нѣшь, эшо спрахъ. День цѣлый ожидалъ
 Я шайнаго свиданія съ Мариной,
 Обдумывалъ все шо, что ей скажу,
 Какъ обольщу ея надменный умъ,
 Какъ назову Московскою Царицей —

Но часъ насталь — и ничего не помню ;
 Не нахожу зашверженныхъ рѣчей ;
 Любовь мушишь мое воображенье ...
 Но что - то вдругъ мелькнуло .. шорохъ .. пише ..
 Нѣтъ , это свѣтъ обманчивой луны ,
 И прошумѣлъ здѣсь вѣтерокъ .

М а р и н а *входитъ* .

Царевичъ !

С а м о з в а н е ц ъ .

Она!.. Вся кровь во мнѣ ошановилась.

М а р и н а .

Димитрій ! Вы ?

С а м о з в а н е ц ъ .

Волшебный , сладкій голосъ !

(Идетъ къ ней) Ты ль наконецъ ? Тебя ли вижу я ,

Одну со мной , подъ сѣнью шихой ночи ?

Какъ медленно кашился скучный день !

Какъ медленно заря вечерня гасла !

Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночью !

МАРИНА.

Часы бѣгушь, и дорого мнѣ время —
 Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
 Не для того, чѣшобъ слушашь нѣжны рѣчи
 Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
 Чѣшобъ любишь ты; но слушай: я рѣшилась
 Съ швоей судьбой и бурной и невѣрной
 Соединишь судьбу мою; шо вправѣ
 Я шребовашь, Димитрій, одного:
 Я шребую, чѣшобъ ты души своей
 Мнѣ шайныя открылъ шеперь надежды,
 Намѣренья и даже опасенья;
 Чѣшобъ объ руку съ шобой могла я смѣло
 Пусшишься въ жизнь — не съ дѣшской слѣпошой,
 Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
 Наложница безмолвная швоя;
 Но какъ тебя достойная супруга,
 Помощница Московскаго Царя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

О, дай забышь хощь на единый часъ

Моей судьбы заботы и тревоги!
 Забудь сама, что видишь предъ собой
 Царевича. Марина! зри во мнѣ
 Любовника, избраннаго побою,
 Щаспливаго своимъ единымъ взоромъ.
 О, выслушай моленія любви!
 Дай вы́сказать все то, чѣмъ сердце полно!

МАРИНА.

Не время, Князь: ты медлишь, и межъ тѣмъ
 Приверженность твоихъ клеветниковъ спынешь;
 Чась ошь часу опасность и труды
 Спановящся опаснѣй и труднѣе;
 Ужь носящся сомнительные слухи,
 Ужь новизна смѣняешь новизну;
 А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры....

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ? во власти ли Бориса
 Твоя любовь, одно мое блаженство?
 Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
 На шронъ его, на Царственную власть.

Твоя любовь... что без нея мнѣ жизнь,
 И славы блескъ, и Русская держава?
 Въ глухой сшени, въ землянкѣ бѣдной — ты,
 Ты замѣнишь мнѣ Царскую корону;
 Твоя любовь...

М а р и н а.

Спыдись! не забывай
 Высокаго, святаго назначенья:
 Тебѣ швой санъ дороже долженъ быть
 Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
 Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
 Не юношѣ кипящему, безумно
 Пльненному моею красошой,
 Знай, опдаю шоржеспивенно я руку
 Наслѣднику Московскаго престола,
 Царевичу, спасенному судьбой.

|| С а м о з в а н е ц ъ.

Не мучь меня, прелесшная Марина,
 Не говори, что санъ, а не меня
 Избрала ты. Марина! ты не знаешь,

Какъ больно шѣмъ ты сердце мнѣ язвишь —
 Какъ! ежели... о страшное сомнѣнье!
 Скажи: когда бѣ не Царское рожденье
 Назначила слѣпая мнѣ судьба,
 Когда бѣ я былъ не Іоанновъ сынъ,
 Не сей, давно забытый міромъ опрокъ;
 Тогда бѣ... тогда бѣ любила ль ты меня?

М а р и н а.

Димитрій, ты и бышь инымъ не можешь;
 Другаго мнѣ любить нельзя.

С а м о з в а н е ц ь.

Нѣтъ! полно:

Я не хочу дѣлиться съ мершвецемъ
 Любовницей, ему принадлежащей:
 Нѣтъ, полно мнѣ припворспвовашь! скажу
 Всю истину; шакъ знай же: швой Димитрій
 Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснешь;
 А хочешь ли ты знашь, кшо я шаковъ?
 Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ;
 Монашеской неволею скучая,

Подъ клобукомъ свой замысль ошважный
 Обдумаль я; гошовиль міру чудо —
 И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
 Къ Украинцамъ въ ихъ буйные курени;
 Владѣть конемъ и саблей научился;
 Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался
 И Поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
 Что скажешь ты, надменная Марина?
 Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
 Что жъ ты молчишь?

МАРИНА.

О спыдь! о горе мнѣ!

(Молчаніе).

САМОЗВАНЕЦЪ (тихо).

Куда завлекъ меня порывъ досады!
 Съ такимъ трудомъ устроенное щастье
 Я, можешь бышь, навѣки погубилъ.
 Что сдѣлалъ я, безумецъ? (Вслухъ). Вижу, вижу:
 Спыдишься ты не Княжеской любви;
 Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;

Въ своихъ рукахъ шеперь моя судьба,
Рѣши: я жду (*бросается на колѣна*).

МАРИНА.

Вспань, бѣдный самозванецъ.
Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ,
Какъ дѣвочки доврчивой и слабой
Тщеславное мнѣ сердце умилишь?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
Я Рыцарей и Графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чшобъ бѣлаго монаха...

САМОЗВАНЕЦЪ (*встаетъ*).

Не презирай младаго самозванца;
Въ немъ доблести шаяшся, можетъ быть,
Достойныя Московскаго престола,
Достойныя руки швоей безцѣнной...

МАРИНА.

Достойныя позорной пешли, дерзкій!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Виновень я; гордыней обуянный,

Обманываль я Бога и Царей,
 Я міру лгаль: но не шебъ, Марина,
 Меня казнишь; я правъ передъ побою.
 Нѣтъ, я не могъ обманывать шебя.
 Ты мнѣ была единственной святыней,
 Предъ ней же я припворствовать не смѣлъ:
 Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
 Одна любовь принудила меня
 Все высказать.

МАРИНА.

Чѣмъ хвалишься, безумецъ!
 Кто пребоваль признанья швоего?
 Ужь если ты, бродяга безымянный,
 Могъ ослѣпить чудесно два народа;
 Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
 Достоинъ бышь успѣха своего
 И свой обманъ опважный обезпечить
 Упорною, глубокой, вѣчной пайной.
 Могу ль, скажи, предашься я шебъ,
 Могу ль, забывъ свой родъ и спыдъ дѣвичій,

Соединишь судьбу мою съ пвоею,
 Когда ты самъ съ шакою простотою,
 Такъ въпрено позоръ свой обличаешь?
 Онъ изъ любви со мною проболтался!
 Дивлюся: какъ передъ моимъ опцемъ
 Изъ дружбы ты досель не опкрылся,
 Опъ радости предъ нашимъ Королемъ,
 Или еще предъ Паномъ Вишневецкимъ
 Изъ вѣрнаго усердія слуги.

Самозванецъ.

Клянусь себѣ, что сердца моего
 Ты вымучишь одна могла признание.
 Клянусь себѣ, что никогда, нигдѣ,
 Ни въ пиршесствѣ, за чашею безумства,
 Ни въ дружескомъ завѣшномъ разговорѣ,
 Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ испязаній,
 Сихъ паяжкихъ шайнъ не выдаспъ мой языкъ.

Марина.

Клянешься ты! и такъ должна я вѣришь.
 О вѣрю я! Но чѣмъ, не лзя ль узнать,

Клянешься ты? не именемъ ли Бога,
 Какъ набожный пріемышь Езуишовъ?
 Иль чеспію, какъ випись благородный,
 Иль, можешь бышь, единымъ Царскимъ словомъ,
 Какъ Царскій сынъ? не шакъ ли? говори.

Димитрій, гордо.

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
 Димишріемъ изъ гроба нарекла,
 Вокругъ меня народы возмушила
 И въ жершву мнѣ Бориса обрекла.
 Царевичъ я. Довольно, спыдно мнѣ
 Предъ гордою Полячкою унижашься.
 Прощай на вѣкъ: игра войны кровавой,
 Судьбы моей обширныя забошы
 Тоску любви, надѣюсь, заглушашь.
 О, какъ шебя я спану ненавиждьшь,
 Когда пройдешь постыдной спраспи жарь.
 Теперь иду — погибель иль вѣнецъ
 Мою главу въ Россіи ожидаешь,
 Найду ли смерть, какъ воинъ въ бипшвѣ чеспной,

Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной,
 Не будешь ты подругою моею,
 Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
 Но, можешь быть, ты будешь сожалѣшь
 Объ участи, ошвергнушой шобою.

МАРИНА.

А если я швой дерзоспный обманъ
 Заранѣ предъ всѣми обнаружу?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
 Что болѣе повѣряшь Польской дѣвѣ,
 Чѣмъ Русскому Царевичу? Но знай,
 Что ни Король, ни Папа, ни вельможи
 Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.

Димитрій я, иль нѣтъ — что имъ за дѣло?
 Но я предлогъ раздоровъ и войны.

Имъ эшо лишь и нужно: и себя,
 Мяшежница, повѣрь, молчать заспавяшь.

Прощай.

МАРИНА.

Поспой, Царевичъ. Наконецъ

Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.
 Съ побойю, Князь, она меня миришь.
 Безумный швой порывъ я забываю
 И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
 Пора, пора! проснись, не медли боль,
 Веди полки скорѣе на Москву;
 Очисти Кремль, садись на шронъ Московскій —
 Тогда за мной шли брачнаго посла;
 Но, слышишь Богъ, пока швая нога
 Но оперлась на шронныя ступени,
 Пока шбойю не свержень Годуновъ,
 Любви рѣчей не буду слушаешь я. (Уходитъ).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣшь — легче мнѣ сражашься съ Годуновымъ,
 Или хиришь съ придворнымъ Езуишомъ,
 Чѣмъ съ женщиной. Чѣрпъ съ ними; мочи нѣшь:
 И пушаешь, и вѣпся, и ползешь,
 Скользишь изъ рукъ, шипишь, грозипъ и жалишь.

Змѣя! змѣя!... Недаромъ я дрожалъ.

Она меня чуть чуть не погубила.

Но рѣшено : заштра двину рашъ.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

КНЯЗЬ КУРБСКІЙ и САМОЗВАНЕЦЪ, оба вер-
хами. Полки приближаются къ границѣ.

Курбскій, прискакавъ первый.

Вошь, вошь она, вошь Русская граница!
Святая Русь! Опечесиво! я швой!
Чужбины прахъ съ презрѣньемъ опряхаю
Съ моихъ одеждъ, пью жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! шеперь швоя душа,
О мой опецъ, ушѣшилась и въ гробъ.
Опальныя возрадуются кости!
Блеснулъ оцпашъ наслѣдственнѣй нашъ мечъ,
Сей славный мечъ — гроза Казани шемной,
Сей добрый мечъ — слуга Царей Московскихъ!

Въ своемъ пиру шеперь онъ загуляешь
 За своего надѣжу - Государя!...

Самозванецъ, ѳдетъ тихо съ поникшей головой.

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа

Въ немъ радостью и славой разыгралась!

О випязь мой, завидую тебѣ!

Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньи,

Забывъ, опцемъ снесенныя обиды,

Его вину за гробомъ искупивъ,

Ты кровь излишь за сына Юанна

Гоповишься, законнаго Царя

Ты возврапшишь опечеспву... ты правъ,

Душа швоя должна пылашь весельемъ.

Курбскій.

Уже ль и ты не веселишься духомъ?

Вошь наша Русь: она швоя, Царевичъ.

Тамъ ждущь тебѣ сердца швоихъ людей:

Твоя Москва, швой Кремль, швоя держава.

Самозванецъ.

Кровь Русская, о Курбскій, попечеть!

Вы за Царя подъяли мечъ, вы чисты.

Я жъ васъ веду на брашьевъ; я Липву

Позваль на Русь; я въ красную Москву

Кажу врагамъ завѣшную дорогу!

Но пусть мой грѣхъ падешъ не на меня,

А на тебя, Борисъ-цареубійца!

Впередъ!

Курвскій.

Впередъ! и горе Годунову!

(Скажутъ. Полки переходятъ гезезъ границу.)

ЦАРСКАЯ ДУМА.

ЦАРЬ, ПАТРИАРХЪ и БОЯРЕ.

Ц А Р Ъ.

Возможно ли? разсприга, бѣглый инокъ
 На насъ ведешь злодѣйскія дружины,
 Дерзаешь намъ пишешь угрозы! Полно,
 Пора смиришь безумца! Побзжайше,
 Ты, Трубецкой, и шы, Басмановъ; помощь
 Нужна моимъ усерднымъ Воеводамъ.
 Буншовщикомъ Черниговъ осаждень.
 Спасайте градъ и гражданъ.

Б А С М А Н О В Ъ.

Государь,
 Трехъ мѣсяцевъ опшныѣ не пройдешь,
 И замолчишь и слухъ о самозванцѣ;

Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
Заморскаго, въ желѣзной клѣшкѣ. Богомъ
Тебѣ клянусь. (*Уходитъ съ Трубецкимъ*).

Ц А Р Ъ.

Мнѣ Свейскій Государь
Черезъ Пословъ союзъ свой предложилъ;
Но не нужна намъ чуждая помощь;
Своихъ людей у насъ довольно рашныхъ,
Чшобъ опразишь измѣнниковъ и Ляха.
Я опказалъ.

Щелкаловъ! разослашь
Во всѣ концы Указы къ Воеводамъ,
Чшобъ на коня садимся, и людей
По старинѣ на службу высылали;
Въ монастыряхъ подобно опобрашь
Служишелей причешныхъ. Въ прежни годы,
Когда бѣдой опечешву грозило,
Опшельники на бешву сами шли;
Но не хошимъ шревожись нынѣ ихъ;
Пушшь моляшся за насъ они: шаковъ

Указъ Царя и приговоръ Боярскій.

Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ :
 Вы знаете, что наглый Самозванецъ
 Коварные промчалъ повсюду слухи ;
 Повсюду имъ разосланныя письма
 Посѣяли превогу и сомнѣнье ;
 На площадяхъ мясежный бродить шѣпошь ,
 Умы кипяшь . . . ихъ нужно оспудить ;
 Предупредить желалъ бы казни я ,
 Но чѣмъ и какъ ? рѣшимъ шеперь . Ты первый ,
 Свяшый Опець , свою повѣдай мысль .

ПАТРИАРХЪ.

Благословень Всевышній , поселившій
 Духъ милосши и крошкаго шерпѣнья
 Въ душъ швоей , великій Государь ;
 Ты грѣшному погибели не хочешь ,
 Ты шихо ждешь , да пройдешь заблужденье :
 Оно пройдешь и солнце правды вѣчной
 Всѣхъ озарить .

Твой вѣрный богомолецъ ,

Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
Дерзаетъ днесь подаетъ тебѣ свой голосъ:

Бѣсовскій сынъ, разсприга окаянный,
Прослышь умѣлъ Димитріемъ въ народѣ;
Онъ именемъ Царевича, какъ ризой
Украденной, безстыдно облачился:
Но споймишь лишь ее раздрать — и самъ
Онъ нагопой своею посрамился.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
Знай, Государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тошъ самый годъ, когда тебя Господь
Благословилъ на Царскую державу —
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Проспой наснухъ, уже масшпый спарець,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ шайну:

« Въ младыхъ лѣтахъ, сказалъ онъ, я ослѣпъ,
« И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
« До спаросши: напрасно я лечился
« И зелиемъ и шайнымъ нашептаньемъ
« Напрасно я ходилъ на поклоненье

« Въ обихели къ великимъ Чудошворцамъ;
« Напрасно я изъ кладязей свяшыхъ
« Кропиль водой цѣлебной шемны очи —
« Не посылалъ Господь мнѣ изцѣленья.
« Вошь наконецъ ушрашилъ я надежду,
« И къ шмѣ своей привыкъ, и даже сны
« Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
« А снилися мнѣ шолько звуки. Разъ
« Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣпскій голось
« Мнѣ говоришь: вспань, дѣдушка, поди
« Ты въ Угличь-градъ, въ Соборъ Преображенья;
« Тамъ помолись шы надъ моей могилой,
« Богъ милосшивъ — и я себя прощу.
« Но кшо же шы? спросиль я дѣпскій голось.
« Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
« Пріялъ меня въ ликъ Ангеловъ своихъ,
« И я шеперь великій Чудошворецъ.
« Иди, шарикъ. — Проснулся я и думаль:
« Чшо жъ? можешь бышь и въ самомъ дѣлѣ, Богъ
« Мнѣ позднее даруешь изцѣленье.

« Пойду — и въ путь отправился далекій.
 « Вошь Углича достигъ я, прихожу
 « Въ свяшый Соборъ, и слушаю обѣдню,
 « И, разгорась душѣй усердной, плачу,
 « Такъ сладостно, какъ будто слѣпоша
 « Изъ глазъ моихъ слезами выпекала.
 « Когда народъ спалъ выходись, я внуку
 « Сказаль: Иванъ, веди меня на гробъ
 « Царевича Димитрія. И мальчикъ
 « Повель меня — и шолько передъ гробомъ
 « Я шихую молишву сошвориль,
 « Глаза мои прозрѣли: я увидѣль
 « И Божій свѣшь, и внука, и могилку. »
 Вошь, Государь, чшо мнѣ повѣдалъ спарець.

*(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ
 нѣсколько разъ отираетъ лице платкомъ.)*

Я посымалъ шогда нарочно въ Угличъ,
 И свѣдано, чшо многіе спрадальцы
 Спасеніе подобно обрѣшали
 У гробовой Царевича доски.

Вотъ мой совѣтъ : во Кремль свящыя мощи
 Перенеси , поставишь ихъ въ Соборъ
 Архангельскомъ ; народъ увидишь ясно
 Тогда обманъ безбожнаго злодѣя ,
 И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ .

(Моланіе.)

Князь Шуйскій.

Свяшый Опець , кто вѣдаешь пуши
 Всевышняго ? Не мнѣ его судишь .
 Нешлѣнный сонъ и силу чудотворства
 Онъ можешь дать младенческимъ оспанкамъ ,
 Но надлежишь народную молву
 Изслѣдовать прилѣжно и безспрасно ;
 А въ бурныя ль смяшеній времена
 Намъ помышляшь о споль великомъ дѣлѣ ?
 Не скажешь ли , что мы свящыню дерзко
 Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ шворимъ ?
 Народъ и такъ колеблется безумно ,
 И такъ ужъ ешь довольно шумныхъ полковъ :
 Умы людей не время волновать

Нежданую, споль важной новизною.

Самъ вижу я: необходимо слухъ
 Разсѣянный разспригой уничтожишь;
 Но ешь на шо инья средства — проще.
 Такъ, Государь, когда изволишь шы,
 Я самъ явлюсь на площади народной;
 Уговорю, усовѣщу безумство
 И злой обманъ бродяги обнаружу.

Ц а р ь.

Да будешь шакъ! Владыка Пашриархъ,
 Прошу тебя пожаловашь въ палашу:
 Сегодня мнѣ нужна швоя бесѣда.

(Уходитъ; за нимъ и всѣ бояре.)

Одинъ Бояринъ, тихо другому.
 Замѣшилъ шы, какъ Государь блѣднѣлъ
 И крупный пошь съ лица его закапалъ?

Другой.

Я — признаюсь — не смѣлъ поднйшь очей,
 Не смѣлъ вздохнуть, не шолько шевелишься.

ПЕРВЫЙ.

А выручилъ Князь Шуйскій. Молодецъ!

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА-СЪВЕРСКАГО,

(1604 года, 21 Декабря.)

Б И Т В А.

Воины, бѣгутъ въ безпорядкѣ.

Бѣда, бѣда! Царевичъ! Ляхи! Вошь они! вошь
они!

(Входятъ Капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ
Розень.)

МАРЖЕРЕТЪ.

Куда, куда? Allons... пошѣль назадъ!

Одинъ изъ вѣглецѣвъ.

Самъ пошѣль, коли есть охопа, прокляшый басурманъ.

МАРЖЕРЕТЬ.

Quoi? quoi?

Другой.

Ква! ква! шебъ любо, лягушка заморская, квакашь на Русскаго Царевича; а мы вѣдь православные.

МАРЖЕРЕТЬ.

Qu'est-ce à dire *pravoslavni*?... Sacrés gueux, maudite canaille! Mordieu, mein Herr, j'enrage: en dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. РОЗЕНЬ.

Es ist Schande.

МАРЖЕРЕТЬ.

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas; puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЬ.

Sie haben Recht.

МАРЖЕРЕТЬ.

Diable, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme il s'appelle, est un brave à trois poils.

В. РОЗЕНЬ.

Ja.

МАРЖЕРЕТЬ.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. РОЗЕНЬ.

Sch glaube das.

(*Входятъ Нѣмцы.*)

МАРЖЕРЕТЬ.

Ha, ha! voici nos Allemands. Messieurs! Mein Herr, dites-leur donc de se raillier et, sacrebleu, chargeons!

В. РОЗЕНЬ.

Sehr gut. Halt!

(Нѣмцы строятся.)

Marſch!

Нѣмцы, идутъ.

Hilf Gott!

(Сраженіе. Рускіе снова бѣгутъ.)

Л я х и.

Побѣда! побѣда! Слава Царю Димитрію!

Димитрій, верхомъ.

Ударить отбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите Русскую кровь. Отбой!

(Трубятъ; бьютъ барабаны.)

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

НАРОДЪ.

Одинъ.

Скоро ли Царь выйдетъ изъ Собора?

Другой.

Обѣдня кончилась; теперь идешь молебствие.

Первый.

Что? ужь проклинали того?

Другой.

Я стоялъ на паперши и слышалъ, какъ Дьяконъ завопилъ: Гришка Опретьевъ — анаема!

Первый.

Пускай себѣ проклинаяють; Царевичу дѣла нѣтъ до Опретьева.

Другой.

А Царевичу поюшь шеперь вѣчную память.

Первый.

Вѣчную память живому! Вопшь ужё имъ будешъ
безбожникамъ.

Третій.

Чу! шумъ. Не Царь ли?

Четвертый.

Нѣтъ, эшо Юродивый.

*(Входитъ Юродивый въ желѣзной шапкѣ, об-
вѣщенный веригами, окруженный мальчиш-
ками.)*

Мальчишки.

Желѣзный колпакъ! желѣзный колпакъ!... шр
р р р....

Старуха.

Ошвяжшесь опъ него, бѣсеняша. Помолись,
блаженный, за меня грѣшную.

Юродивый.

Дай, дай, дай копѣчку.

СТАРУХА.

Вошь шебѣ копѣчка; помяни же меня.

Юродивый, садится на землю и поетъ.

Мѣсяць ѣдешъ,

Кошенокъ плачешъ,

Юродивый, вспавай,

Богу помолися!

(Мальчишки окружаютъ его снова.)

Одинъ изъ нихъ.

Здравствуй, Юродивый, что же ты шапки не снимаешь? *(Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ.)* Экъ она звонишь!

Юродивый.

А у меня копѣчка ешь.

Мальчишка.

Неправда, ну, покажи.

(Вырываетъ копѣчку и убѣгаетъ.)

Юродивый, плачетъ.

Взяли мою копѣчку, обижаютъ Юродиваго.

НАРОДЪ.

Царь, Царь идешь.

*(Царь выходитъ изъ Собора; Болринъ впереди
раздаетъ нищимъ милостыню. Болре.)*

ЮРОДИВЫЙ.

Борись, Борись! мальчишки обижаютъ Юродиваго.

ЦАРЬ.

Подашь ему милостыню! О чемъ онъ плачешь?

ЮРОДИВЫЙ.

Мальчишки меня обижаютъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзали ты маленькаго Царевича.

БОЯРЕ.

Поди прочь, дуракъ! схватили дурака!

ЦАРЬ.

Оставьте его. Молись за меня, Юродивый.

(Уходитъ.)

Юродивый, ему вслѣдъ.

Нѣшь, нѣшь! нельзя молишься за Царя Ирода — Богородица не велишь.

С Ъ В С К Ъ.

САМОЗВАНЕЦЪ, *окруженный своими.*

САМОЗВАНЕЦЪ.

Гдѣ плѣнный?

Л я х ъ.

Здѣсь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Позвашь его ко мнѣ.

(Входитъ Русскій плѣнникъ.)

Кто ты?

Плѣнникъ.

Рожновъ, Московскій дворянинъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Давно ли ты на службѣ?

Плѣнникъ.

Съ мѣсяць будешь.

Самозванецъ.

Не совѣстно, Рожновъ, что на меня

Ты поднялъ мечъ?

Плѣнникъ.

Какъ бышь, не наша воля.

Самозванецъ.

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

Плѣнникъ.

Я прибылъ

Недѣли двѣ по бѣгствѣ изъ Москвы.

Самозванецъ.

Что Годуновъ?

Плѣнникъ.

Онъ очень былъ встревоженъ

Потерею сраженія и раной

Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ

Начальствовать надъ войскомъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А зачѣмъ

Онъ опозвалъ Басманова въ Москву?

Плѣнникъ.

Царь наградилъ его заслуги честию

И золошомъ. Басмановъ въ Царской Думѣ

Теперь сидишь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.

Ну, что въ Москвѣ?

Плѣнникъ.

Все, слава Богу, пихо.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что? ждешь меня?

Плѣнникъ.

Богъ знаетъ; о тебѣ

Тамъ говоришь не слишкомъ нынче смѣюшь.

Кому языкъ опрѣжешь, а кому

И голову. Такая право припца,

Что день, то казнь. Тюрмы бискомъ набишы.

На площади, гдѣ челоѣка при
 Сойдется — глядь — лазушчикъ ужъ и вѣшся,
 А Государь досужною порою
 Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.
 Какъ разъ бѣда; шакъ лучше ужъ молчашь.

Самозванецъ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей!
 Ну, войско что?

Плѣнникъ.

Что съ нимъ? одѣло, сыно,
 Довольно всѣмъ.

Самозванецъ.

Да много ли его?

Плѣнникъ.

Богъ вѣдаешь.

Самозванецъ.

А будешь тысячь тридцать?

Плѣнникъ.

Да наберешь и тысячь пятьдесять.

(Самозванецъ задумывается; окружающіе
смотрятъ другъ на друга.)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

ПЛѢННИКЪ.

А говорятъ о милости швоей,
Что ты-декашь (будь не во гнѣвъ) и воръ,
А молодець.

САМОЗВАНЕЦЪ, смѣясь.

Такъ эшо я на дѣлѣ
Имъ докажу: друзья, не станемъ ждатъ
Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:
Назавтра бой. (Уходитъ.)

В с ѣ.

Да здравствуетъ Димитрій!

Л я х ѣ.

Назавтра бой! ихъ шысячь пашьдесять,
А насъ всего едва ль пашнадцашь шысячь:
Съ ума сошель.

Другой.

Пустое, другъ: Помякъ

Одинъ пять сошь Москалей вызвать можешь.

Плѣнникъ.

Да, вызовешь! а какъ дойдешь до драки,

Такъ убѣжишь ошь одного, хвасунъ.

Ля х ъ.

Когда бь ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ,

То я тебя *(указывая на свою саблю)*

Вошь эшимъ бы смирилъ.

Плѣнникъ.

Нашъ брать Русакъ безъ сабли обойдется:

Не хочешь ли вошь эшаго *(показывая кулакъ)*,

Безмозглый.

*(Ляхъ гордо смотритъ на него и молча от-
ходитъ. Всѣ смѣются.)*

Л Ъ С Ъ.

ЛЖЕДИМИТРІЙ, ПУШКИНЪ.

(Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій.)

Лжедимитрій.

Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакаль
 Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
 И раненый какъ быспро несъ меня.
 Мой бѣдный конь.

Пушкинъ, про себя.

Ну, вопь о чемъ жалѣешь,
 Объ лошади! когда все наше войско
 Побито въ прахъ!

Самозванецъ.

Послушай, можешь быть,
Опъ раны онъ лишь полько заморился
И ошдохнешь.

Пушкинъ.

Куда! онъ издыхаетъ.

Самозванецъ, *идеть къ своему коню.*
Мой бѣдный конь!... что дѣлашь? сняшь узду,
Да ошсегнушь подпругу. Пусшь на волю
Издыхнешь онъ.

*(Разуздываетъ и разсѣдмываетъ коня. Вхо-
дитъ нѣсколько Ляховъ.)*

Здорово, господа!
Что жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣль, какъ сегодня въ гушу боя
Онъ врѣзался; шмы сабель молодца,
Что зыбкіе колосья, облѣшили;
Но мечъ его всѣхъ выше подымался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ:
Гдѣ жъ вишязь мой?

Л я х ъ.

Онъ легъ на полѣ смерти.

С а м о з в а н е ц ъ.

Честь храброму и миръ его душѣ!
 Какъ мало насъ ошъ битвы уцѣлѣло!
 Измѣнники, злодѣи Запорожцы,
 Проклятые! вы, вы сгубили насъ.
 Не выдержашъ и прехъ минушъ оппора!
 Я ихъ ужѣ: десятого повѣшу,
 Разбойники!

П у ш к и н ъ.

Кто шамъ ни виновашъ,
 Но все таки мы начиспо разбишы,
 Истреблены.

С а м о з в а н е ц ъ.

А дѣло было наше,
 Я было снялъ передовую рашъ —
 Да Нѣмцы насъ порядкомъ опразили;
 А молодцы! ей Богу, молодцы!
 Люблю за шо; изъ нихъ ужъ непременно

Составлю я почешную дружину.

Пушкинъ.

А гдѣ-шо намъ сегодня ночевать?

Самозванецъ.

Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ эшо не почлесть?

Чѣмъ свѣшь, мы въ пунь; къ обѣду будемъ въ Рыльскѣ.

Спокойна ночь. *(Ложится, кладетъ сѣдло подъ
голову и засыпаетъ.)*

Пушкинъ.

Прятный сонъ, Царевичъ!

Разбитый впрахъ, спасаясь побѣгомъ,

Безпечень онъ, какъ глупое дитя:

Хранишь его конечно Провидѣнье;

И мы друзья не спанемъ унывашь.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, БАСМАНОВЪ.

Ц А Р Ъ.

Онъ побѣжденъ, какая польза въ помъ?
 Мы щещною побѣдой увѣнчались.
 Онъ вновь собралъ разсыянное войско
 И намъ со стѣнъ Пушивля угрожаетъ.
 Чшо дѣлаюшь межъ шѣмъ герои наши?
 Сстояшь у Кромъ, гдѣ кучка Козаковъ
 Смѣшся имъ изъ-подъ гнилой ограды.
 Вошь слава! нѣшь, я ими не доволенъ;
 Пошлю себя начальшвовашъ надъ ними;
 Не родъ, а умъ поспаваю въ Воеводы;
 Пускай ихъ спѣсь о мѣспничесшвѣ шужипъ;

Пора презрѣшь мнѣ ропоть знашной черни
И гибельный обычай уничтожишь.

Басмановъ.

Ахъ, Государь, спокрашь благословень
Тотъ будешь день, когда Разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожрешь огонь!

Царь.

День эшопъ недалёкъ;
Лишь дай сперва смяшеніе народа
Мнѣ усмиришь.

Басмановъ.

Чшо на него смопрѣшь;
Всегда народъ къ смяшенью шайно склонень:
Такъ борзый конь грызешъ свои бразды;
На власшь опца шакъ опрокъ негодуешъ:
Но чшо жь? конемъ спокойно всадникъ правишь,
И опрокомъ ошець повелѣваешъ.

Царь.

Конь иногда сбиваешъ сѣдока,

Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
 Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
 Сдержашь народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
 Смиришеть бурь, разумный Самодержецъ,
 Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
 Нѣшь, милости не чувствуешь народъ:
 Твори добро — не скажешь онъ спасибо;
 Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже.

(Входитъ Бояринъ.)

Что?

Бояринъ.

Привели гостей иноплеменныхъ?

Ц а р ь.

Иду принять; Басмановъ, погоди,
 Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
 Поговоришь. (Уходитъ.)

Басмановъ.

Высокій духъ державный.

Дай Богъ ему съ Опретьевымъ проклятымъ
 Управиться; и много, много онъ

Еще добра въ Россіи сотворишь.
 Мысль важная въ умѣ его родилась.
 Не надобно ей дашь остыть. Какое
 Миѣ поприще ошкроешь, когда
 Онъ сломитъ рогъ Боярству родовому.
 Соперниковъ во брани я не знаю;
 У Царскаго престола стану первый....
 И можешь быть.... Но что за чудный шумъ?

*(Тревога. Бояре, придворные служители въ
 беспорядкѣ бѣгутъ, встрѣгаются и шепчутъ.)*

Одинъ.

За лекаремъ!

Другой.

Скорѣ къ Патріарху.

Третій.

Царевича, Царевича зовешь!

Четвертый.

Духовника!

Басмановъ.

Что сдѣлалось такое?

ПЯТЫЙ И ШЕСТОЙ.

Царь занемогъ, Царь умираешь.

БАСМАНОВЪ.

Боже!

ПЯТЫЙ.

На пронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;

Кровь хлынула изъ ушь и изъ ушей.

(Царя выносятъ на стулъ; все Царское семейство; всѣ Болре.)

ЦАРЬ.

Подите всѣ — оспавше одного

Царевича со мною. *(Всѣ удаляются.)* Умираю;

Обнимемся; прощай, мой сынъ; сей часъ

Ты царшвовашь начнешь... о Боже, Боже!

Сей часъ явлюсь передъ Тобой — и душу

Мнѣ некогда очистишь покаяньемъ.

Но чувствую — мой сынъ, ты мнѣ дороже

Душевнаго спасенья... шакъ и бышь!

Я подданнымъ рождень, и умерешь

Мнѣ подданнымъ во мракѣ бѣ надлежало;

Но я доспигъ верховной власши — чѣмъ?
 Не спрашивай. Довольно: ты невинень,
 Ты царшвовашь шеперь по праву спанешь,
 А я за все одинъ ошвѣчу Богу.
 О милый сынъ, не обольщайся ложно,
 Не ослѣпляй себя ты добровольно.
 Въ дни бурные державу ты приѣмлешь:
 Опасень онъ, сей чудный Самозванецъ.
 Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
 Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
 Могъ удержашь смяшенье и мяшежь;
 Передо мной они дрожали въ спрахъ;
 Возвысиль гласъ измѣна не дерзала:
 Но ты молодой, неопышной власшишель,
 Какъ управляшь ты будешь подь грозой,
 Тушишь мяшежь, опушывашь измѣну!
 Но Богъ великъ! Онъ умудряешь юность,
 Онъ слабости даруешь силу... слушай:
 Совѣтника во-первыхъ избери
 Надежнаго, холодныхъ, зрѣмыхъ лѣтъ,

Любимаго народомъ — а въ Боярахъ
Почтеннаго породой или славой —
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нужень
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси Боярскій ропоть.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй шеченья дѣлъ. Привычка
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановишь опалы, казни — можешь
Ихъ отмѣнишь; себя благословяшь,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда пресполю онъ Грознаго пріямъ.
Со временемъ и понемногу снова
Запягивай державныя бразды.
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская —
Будь милосивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ; не долженъ Царскій голось

На воздухъ шеряшься попустому;
 Какъ звонъ свяшой, онъ долженъ лишь вѣщать
 Велику скорбь или великій праздникъ.

О милый сынъ! тыходишь въ тѣ лѣта,
 Когда намъ кровь волнуешь женскій ликъ.

Храни, храни свяшую чистоту

Невинности и гордую смѣлливость:

Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ

Въ молодые дни привыкнулъ упопашь;

Топь, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,

И умъ его безвременно пемнѣеть.

Въ семьѣ своей будь всегда главой;

Мать почиай, но властвуй самъ собою —

Ты мужъ и Царь; люби свою сеспру —

Ты ей одинъ хранишель оспашься.

Ееодоръ (на колѣнахъ).

Нѣшь, нѣшь — живи и царствуй долговѣчно:

Народъ и мы погибли безъ шебя.

Ц А Р Ъ.

Все кончено — глаза мои пемнѣють,

Я чувствую могильный хладъ... (Входитъ Патриархъ, Святители, за ними всѣ Бояре. Царицу ведутъ подъ руки, Царевна рыдаетъ).

Кшо шамъ?

А! схима... шакъ! свяшое посприженье...

Удариль часъ! въ монахи Царь идешь:

И шемный гробъ моею будешъ кельей.

Повремени, Владыка Патриархъ,

Я Царь еще: внемлите вы, Бояре:

Се шопъ, кому приказываю царство;

Цалуйте крестъ Феодору... Басмановъ,

Друзья мои... при гробъ васъ молю

Ему служишь усердіемъ и правдой!

Онъ шакъ еще и младъ и непорочень.

Клянешесь ли?

Б О Я Р Е.

Клянемся.

Ц А Р Ъ.

Я доволенъ.

Проспите жь мнѣ соблазны и грѣхи

И вольныя и пайныя обиды...

Свяшый ошець, приближься, я гошовъ.

(Нагинается обрядъ постриженія.

Женщинъ въ обморокъ выносятъ).

СТАВКА.

БАСМАНОВЪ вводитъ ПУШКИНА.

Басмановъ.

Войди сюда и говори свободно.

И шакъ шебя ко мнѣ онъ посылаетъ?

Пушкинъ.

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ

И первый санъ по немъ въ Московскомъ царствѣ.

Басмановъ.

Но я и шакъ Феодоромъ высоко

Ужъ вознесенъ; начальствую надъ войскомъ:

Онъ для меня презрѣль и чинъ разрядный,

И гнѣвъ Боярь — я присягалъ ему.

Пушкинъ.

Ты присягалъ наслѣднику престола
Законному; но если живъ другой,
Законнѣйшій?...

Басмановъ.

Послушай, Пушкинъ, полно,
Пустаго мнѣ не говори; я знаю,
Кпо онъ шакой.

Пушкинъ.

— Россія и Литва
Димитріемъ давно его признали,
Но впрочемъ я за это не спою.
Бышь можешъ, онъ Димитрій наслощій,
Бышь можешъ, онъ и самозванецъ; только
Я вѣдаю, что рано или поздно
Ему Москву уступитъ сынъ Борисовъ.

Басмановъ.

Пока спою за юнаго Царя,
Дошоль онъ престола не оставитъ;
Полковъ у насъ довольно, слава Богу!

Побѣдою я ихъ одушевлею,
 А вы кого прошивъ меня пошлете:
 Не Козака ль Карелу, али Мнишка?
 Да много ль васъ? всего - по восемь тысячъ.

Пушкинъ.

Ошибся ты: и шѣхъ не наберешь.
 Я самъ скажу, что войско наше дрянъ,
 Что Козаки лишь шолько села грабятъ,
 Что Поляки лишь хвасшають, да пьютъ,
 А Русскіе... да что и говоришь —
 Передъ побой не спану я лукавишь;
 Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
 Не войскомъ, нѣтъ, не Польскою помощью,
 А мнѣніемъ — да, мнѣніемъ народнымъ.
 Димитрія ты помнишь шоржешиво
 И мирныя его завоеванья,
 Когда вездѣ безъ выспрѣла ему
 Послушныя сдавались города,
 А Воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
 Ты видѣлъ самъ: охотно ль ваши раши

Сражались съ нимъ? Когда же? при Борисѣ.
 А нынче ль?... нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
 И раздувать холодный пепель брани:
 Со всѣмъ своимъ умомъ и швердой волей
 Не устоишь; не лучше ли тебѣ
 Дать первому примѣръ благоразумной,
 Димитрія Царемъ провозгласишь
 И шѣмъ ему навѣки удружишь?
 Какъ думаешь?

Басмановъ.

Узнаете вы завтра.

Пушкинъ.

Рѣшись.

Басмановъ.

Прощай.

Пушкинъ.

Подумай же, Басмановъ.

(Уходитъ).

Басмановъ.

Онъ правъ, онъ правъ, вездѣ измѣна зрѣеть:

Чшо дѣлашь мнѣ? Уже ли буду ждашь,
 Чшобъ и меня буншовщики связали.
 И выдали Опрѣьеву? Не лучше ль
 Предупредить разрывъ попока бурный,
 И самому... Но измѣнишь присягъ!
 Но заслужишь безчестье въ родъ и родъ!
 Довѣренность младаго Вѣнценосца
 Предашельшвомъ ужаснымъ заплашишь!
 Опальному изгнаннику легко
 Обдумывашь мяшежь и заговоръ,
 Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу Государя...
 Но смерть... но власшь... но бѣдспвія народны...
 (*Задумывается*).
 Сюда! кшо тамъ? (*Свищетъ*) Коня! прубише сборъ.

ЛОБНОЕ МѢСТО.

ПУШКИНЬ ИДЕТЬ ОКРУЖЕННЫЙ НАРОДОМЪ.

Н А Р О Д Ъ.

Царевичь намь Боярина послалъ.

Послушаемъ, что скажешь намь Бояринь.

Сюда! сюда!

Пушкинъ (на амвонъ).

Московскіе граждане,

Вамъ кланяшья Царевичь приказалъ. (Кланлется).

Вы знаете, какъ промысль небесный

Царевича опъ рукъ убійцы спасъ;

Онъ шель казнишь злодѣя своего,

Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.

Димитрію Россія покорилась;

Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
 Свои полки привель ему къ присягѣ.
 Димитрій къ вамъ идеть съ любовью, съ миромъ.
 Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
 Подымете вы руку на Царя
 Законнаго, на внука Мономаха?

Н а р о д ъ.

Вѣспимо, нѣтъ.

П у ш к и н ъ.

Московскіе граждане,
 Міръ вѣдаешь, сколь много вы терпѣли
 Подъ властію жестокаго пришельца:
 Опалу, казнь, безчестіе, налоги,
 И шрудъ, и гладь, все испытали вы.
 Димитрій же васъ жаловашъ намѣрень,
 Боярь, дворянъ, людей приказныхъ, рашныхъ,
 Госпей, купцѣвъ — и весь честный народъ.
 Вы ль спанете упрямышся безумно
 И милосшей кичливо убѣгашь?
 Но онъ идеть на Царшвенный прешоль

Своихъ опцевъ въ сопровожденнѣ грозномъ.

Не гнѣвайше жь Царя и бойшесь Бога,

Цалуйше креспъ законному владыкѣ;

Смиришесь, немедленно пошлише

Къ Димишрїю во спань Мишрополиша,

Боярь, Дьяковъ и Выборныхъ людей,

Да бьюшь челомъ ошцу и Государю.

(Сходитъ. Шумъ народный).

Народъ.

Чшо полковашь? Бояринъ правду молвиль.

Да здравспвуешъ Димишрїй нашъ ошець!

Мужикъ на амвонѣ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ Царскія палашы!

Сшупай! вязапъ Борисова щенка!

Народъ *(несетя толлою)*.

Вязапъ! шонишь! Да здравспвуешъ Димишрїй!

Да гибнешъ родъ Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА УКРЫЛЬЦА.

ΘЕОДОРЪ *подъ окномъ.*

Нищій.

Дайте милоспыню Христа ради!

Стража.

Поди прочь; не вельно говоришь съ заключенными.

Θеодоръ.

Поди старикъ, я бѣднѣ себя, ты на волѣ.

*(Ксенія *подъ покрываломъ* *подходитъ также къ окну*).*

Одинъ изъ народа.

Брать да сестра! бѣдныя дѣши, что пшашки въ клѣшкѣ.

Другой.

Есть о комъ жалѣшь? Проклятое племя!

ПЕРВЫЙ.

Опець былъ злодѣй, а дѣшки невинны.

ДРУГОЙ.

Яблоко опъ яблони недалеко падаетъ.

КСЕНІЯ.

Брашець! брашець! кажешся, къ намъ Бояре
идушь.

ФЕОДОРЪ.

Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ не-
знакомы.

КСЕНІЯ.

Ахъ, брашець, сердце замираешь.

*(Голицынъ, Мосальскій, Молгановъ
и Шереметинъ; за ними трое
Стрѣльцовъ).*

НАРОДЪ.

Разспунишесь, разспунишесь: Бояре идушь.

(Они входятъ въ домъ).

Одинъ изъ народа.

Зачѣмъ они пришли?

ДРУГОЙ.

А вѣрно приводишь къ присягѣ Θεодора Годунова.

ТРЕТІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ? слышишь, какой въ домѣ шумъ! Тревога! дерущся!

НАРОДЪ.

Слышишь? визгъ! эшо женской голосъ... Взойдемъ! — Двери запершы — крики замолкли — шумъ продолжается.

(Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ).

МОСАЛЬСКІЙ.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Θεодоръ ошравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мершвые шрупы. *(Народъ въ ужасѣ молчитъ)*. Чшо жъ вы молчише? кричише: да здравспвуешъ Царь Димитрій Ивановичъ!

НАРОДЪ *безмолвствуетъ.*

К О Н Е Ц Ъ.

К 1913

[85 p.]

1916

18
и 7 и 908

№ 3 Библиомеху А. С. Сурянова.
Куплено в магазине Б. И.
Корова 27 Янв. 1909 г. 301

Др. Л. И.
М. П.

Куплено в магазине
в магазине Б. И.
Корова 27 Янв.

АНТИКВАРНАЯ ———
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА. ———
СПБ., ЛИТЕЙНЫЙ 55.

